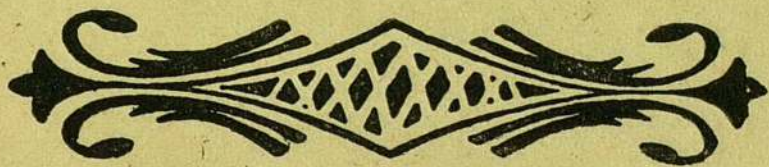

**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

8

1946

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 8

Август 1946 года

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Трудового Красного Знамени Патриарха Московского и всея Руси Алексия	3
---	---

Церковная жизнь

Беседа корреспондента ТАСС со Святейшим Патриархом Алексием	4
Хроника	6

Корреспонденции из Чехословакии

Пребывание Г. Г. Карпова в Чехословакии	7
Из жизни Православной Церкви в Чехословакии	11
Гусовские торжества в г. Таборе	16

Речи, проповеди

Митрополит Николай. Мученики	21
Митрополит Николай. Церковь	24

Статьи

Г. Звенигородский. Великая гробница	27
И. С. Св. Иона, Митрополит Московский	32
Никита Волнянский. Великий благовестник XVIII века Св. Тихон Задонский	38
С. Алфеев. Виктор Васнецов	50

Русская православная церковь за границей

В Японии	55
--------------------	----

В ЖУРНАЛЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ № 7 ЗА 1946 г. ЗАМЕЧЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
16	17	считали своей обязанностью	считали своей христианской, нрав-
	(снизу)		ственной обязанностью
28	4	ребятишки, потомки детворы,	ребятишки, как некогда здесь раз-
	(сверху)	рассыпавшей некогда	влеклась в обычное время детво-
			ра, рассыпавшая в дни осады Трои-
	18		це-Сергиевой Лавры
33	(сверху)	безбрагодатна	безбрагодатна
	15	египтян, индейцев (индусов),	египтян, индусов, персов
42	(сверху)	персов	
	5	из изнородцев	из инородцев
56	(сверху)		
	8	Есть у нас помощница, ко-	„Есть у нас помощница, которая
61	(снизу)	торая поддержит нас, го-	поддержит нас, — это Матерь Бо-
		ворил Владыка и он	жия“, говорил Владыка, и он

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции „Журнала Московской Патриархии“ протонеру А. П. Смирнову—Москва, 34. Чистый пер., 5. Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

Официальная часть

У к а з

Президиума Верховного Совета СССР

О награждении орденом Трудового Красного Знамени Патриарха Московского и всея Руси Алексия

За выдающиеся заслуги в деле организации патриотической работы в период Великой Отечественной войны наградить орденом Трудового Красного Знамени Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. ШВЕРНИК

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 16 августа 1946 г.

(«Известия» от 17 августа 1946 г., № 194).

Церковная жизнь

БЕСЕДА КОРРЕСПОНДЕНТА ТАСС СО СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЕМ О ЕГО ПОЕЗДКЕ В ЛЕНИНГРАД И В ПСКОВ В ИЮЛЕ 1946 Г.

Мой путь в древнерусский город Псков лежал через Ленинград. Как бывший митрополит Ленинградский, проводший в городе всю блокаду, я хорошо знаю, какой огромный ущерб причинили Ленинграду немецко-фашистские вандалы. Естественно поэтому было мое волнение, когда я осматривал город-герой.

Действительность оказалась совершенно иной. Так же, как и до войны, прекрасен Невский. Свежей краской сверкают отремонтированные здания. Яркими цветами украшены скверы и парки. Когда сейчас осматриваешь Ленинград, просто забываешь, каким он был в суровые дни осады. Восстановители города сделали уже очень многое для того, чтобы вернуть ему его чудный, неповторимый облик.

Я осматривал Государственный Эрмитаж и был поражен той поистине гигантской восстановительной работой, которая проделана в нем за сравнительно короткое время. Как и прежде, Эрмитаж является сейчас богатейшим собранием бесценных произведений искусства. Должен выразить особую признательность директору Эрмитажа, академику И. А. Орбели, оказавшему мне исключительно любезный прием и внимание. И. А. Орбели подарил мне на прощанье древнейшую и весьма ценную икону Св. Сергия Радонежского.

Совершенно иное впечатление, чем Ленинград, оставляет Псков. Поражаешься, до чего разрушен этот город. Немецкие захватчики не оставили в нем буквально камня на камне. В прах и пепел превратили они жилые здания, древнейшие памятники архитектуры, прославленные и дорогие сердцу каждого русского православного человека псковские святыни.

Благодаря энергии настоятеля псковского Троицкого собора протоиерея Павлова, основные ремонтные работы в храме проведены. Это было связано с большими трудностями, так как гитлеровцы причинили собору весьма большие повреждения, заминировав его. При взрыве многих мин собор сильно пострадал. Конечно, предстоит еще сделать многое, чтобы окончательно реставрировать храм, и эти работы ведутся, но во всяком случае он находится уже в таком состоянии, что можно было освятить его.

На освящение храма прибыло огромное количество богомольцев. Здесь были не только горожане, но и крестьяне из окружающих сел и деревень. Я обратил внимание на то глубоко молитвенное состояние, каким были охвачены верующие во время богослужения.

Из Пскова я направился в Псковско-Печорский монастырь. Служба в монастыре прошла прекрасно. Древний собор, хотя и не ремонтиро-

вался все годы войны, все же сохраняет хороший вид. Вновь меня здесь встретило большое количество верующих, начиная от глубоких стариков, кончая детьми и подростками. Храм был переполнен, и те, кто не могли войти под его своды, простояли всю службу в монастырской ограде.

На обратном пути я остановился в старинном городе Изборске. Храм в Изборске, расположенный в древней крепости, содержится в полном порядке.

Мои наблюдения и в Пскове, и в Изборске, и в Псковско-Печорском монастыре убеждают меня в большом религиозном подъеме среди населения.

В заключение мне хотелось бы отметить исключительное внимание, оказанное мне в этой поездке, как и обычно, властями. В мое распоряжение был предоставлен отдельный салон-вагон. Руководители местных организаций, в частности Исполкома Псковского областного Совета, охотно шли мне навстречу и делали все, чтобы создать мне самые благоприятные условия в поездке.

ХРОНИКА

Указом Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Архиепископ Тульский и Белевский Виталий освобожден от управления Тульской епархией и назначен председателем Миссионерского Совета при Священном Синоде с титулом Архиепископа Дмитровского.

На кафедру Епископа Тульского и Белевского Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом перемещен Архиепископ Орловский и Брянский Антоний.

На кафедру Епископа Орловского и Брянского Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом возвращен Архиепископ Фотий с оставлением за ним этой кафедры и на время его командировки в Париж.

На кафедру Епископа Лысковского Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом назначен Епископ Иов, ранее управлявший Измаильской епархией.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ

ПРЕБЫВАНИЕ Г. Г. КАРПОВА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

(Воспоминания)

Это было 10 июня 1946 года.

Над Прагой только что пронеслась дождевая буря, и облака продолжали низко плыть над городом, предвещая новый дождь.

Но никто из присутствовавших на аэродроме, казалось, и не обращал на это никакого внимания. Все ожидали только одного: вот-вот в облаках появится долгожданный серебристый «Дуглас».

И, действительно, ровно в 16 часов на горизонте появилась маленькая точка, с каждой минутой все увеличивающаяся. Да, это был «Дуглас». Он сделал несколько кругов над Прагой, как бы приветствуя этот старинный славянский город, и пошел плавно на посадку.

Вскоре самолет подрулил к аэропорту и остановился. Из него тотчас же вышли знакомый некоторым из нас, побывавшим зимой этого года в Москве, Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Георгий Григорьевич Карпов и его помощник Н. И. Блинов.

Дорогого гостя приветствовали представитель Министерства Иностранных Дел посол г-н Борек, уполномоченный министра школ, просвещения и культов г-н К. Чермак, посланник Советского Союза И. А. Чичаев, первый секретарь Советского Посольства Н. П. Чеботарев, атташе Посольства И. Ф. Потockий, Его Высокопреосвященство Архиепископ Чешский и Пражский Елевферий, Его Высокопреосвященство Архиепископ Венский Сергей, о. протоиерей Ч. Крачмар и другие лица.

Поздоровавшись со всеми, Г. Г. Карпов в своей краткой речи отметил, что он рад быть гостем Правительства Чехословацкой Республики, которое оказало такое внимание, любезно пригласив его посетить эту замечательную страну и ее столицу — золотую Прагу.

После этих трогательных минут Г. Г. Карпов и все встречавшие его отправились на автомобилях в отель «Алькрон», где для Георгия Григорьевича уже были приготовлены заранее апартаменты.

Первый день пребывания Г. Г. Карпова в Праге закончился обедом в «Алькроне», в котором приняли участие: посол г-н Борек, доктор К. Чермак, атташе Советского Посольства И. Ф. Потockий и я.

Все последующие дни пребывания Г. Г. Карпова в Чехословакии были посвящены ознакомлению с ее достопримечательностями, официальным визитам и приемам, беседам с духовенством.

Г. Г. Карпов посетил Президентский дворец (Пражский Град) и его прекрасные залы; осмотрел расположенный на территории Града Кафедральный католический собор св. Вита — древнейшее и величествен-

ное сооружение, в подземельях которого установлены усыпальницы чешских королей; посетил народный театр и дом, где происходила в 1912 году конференция русских социал-демократов под председательством В. И. Ленина; присутствовал в зале «Люцерна» на тризне в память М. И. Калинина, ознакомился с достопримечательностями Праги.

Г. Г. Карпов вместе с Владыкой Елевферием был принят Президентом Чехословацкой Республики г-ном Эдуардом Бенеш и имел с ним обстоятельную беседу.

Состоялись приемы также у министра школ, просвещения и культов г-на З. Неедлы и министра информации г-на Копецкого.

21 июня в честь Г. Г. Карпова советский посол в Праге В. А. Зорин устроил прием в Посольстве, на котором присутствовало до 100 гостей, в том числе государственные и политические деятели, представители духовенства, общественность и журналисты.

В честь пребывания Г. Г. Карпова в Праге г-н З. Неедлы устроил торжественный обед в ресторане «Липпорт». На обеде присутствовали: министр национальной обороны генерал г-н Свобода, министр информации г-н Копецкий, советский посол В. А. Зорин, Владыка Архиепископ Елевферий, Владыка Архиепископ Сергей, духовенство, представители общественных, военных и государственных учреждений.

Выступившие с речами г-н Неедлы и г-н Копецкий приветствовали Г. Г. Карпова и подчеркивали большое значение для дружбы народов СССР и Чехословакии единения Православных Церквей этих стран, проявивших образцы героизма в период войны.

Г. Г. Карпов в своем тосте выразил благодарность правительству Чехословацкой республики за предоставленную возможность познакомиться с жизнью народов Чехословакии. Отметив далее, что народы Чехословакии и России в далеком прошлом почти одновременно спасли славянскую культуру в борьбе с татарами и немецкими псами-рыцарями, Георгий Григорьевич высказал уверенность, что воссоединение Чешской Православной Церкви с Московской Патриархией послужит делу дальнейшего укрепления дружбы между народами СССР и Чехословакии.

В заключение тоста Г. Г. Карпов провозгласил здравицу на чешском языке в честь народа и правительства Чехословацкой Республики.

Вместе с Владыкой Елевферием и в сопровождении г-на К. Чермак, начальника кабинета министра информации г-на В. Г. Котешовец Георгий Григорьевич посетил известные чехословацкие курорты Карловы-Вари и Марьянские Лазни, где был радушно принят представителями местных властей.

Там же Г. Г. Карпов посетил русские православные церкви и имел беседы с духовенством.

Как рассказывал Георгий Григорьевич, не менее тепло и радушно, чем в Праге, он был принят в Братиславе — центре Словакии, куда он выезжал совместно с Владыкой Елевферием и г-ном В. Г. Котешовец по приглашению Народной Рады Словакии.

Двухдневное пребывание в Словакии позволило Г. Г. Карпову ознакомиться с достопримечательностями Братиславы и таких ее пригородов, как Модры, Пезинок и Девин-горы, где в далеком прошлом начали свою деятельность свв. Кирилл и Мефодий.

В Братиславе Георгий Григорьевич имел беседу с православным духовенством, прибывшим почти со всей Словакии, и посетил местную церковь, где его приветствовал настоятель протоиерей П. Кудринский. В честь Г. Г. Карпова в Братиславе было устроено несколько торже-

ственных банкетов и состоялся официальный прием у заместителя председателя Народной Рады И. Хорват.

Представители Православной Церкви в лице Преосвященного Владыки Елевферия, духовенства и верующих испытывали огромную радость, имея возможность так близко общаться с дорогим Георгием Григорьевичем. Он неоднократно беседовал с нами, интересовался жизнью и нуждами Православной Церкви и особенно вопросом единства чешских, словацких и русских приходов.

Георгий Григорьевич посетил наши православные храмы в Праге и в других городах. Так, в воскресенье, 16 июня, Г. Г. Карпов присутствовал в Кафедральном соборе свв. Кирилла и Мефодия в Праге, где Преосвященный Владыка Елевферий в сослужении с Владыкой Сергием и всем пражским духовенством отслужил панихиду в память чешских парашютистов-партизан, скрывавшихся в подвальном помещении собора и погибших в неравном бою с немецкими оккупантами.

По окончании панихиды Георгий Григорьевич спустился в крипту под храмом и осмотрел место трагической смерти этих парашютистов.

На другой день, 17 июня, Г. Г. Карпов присутствовал на панихиде, которая была совершена Архиепископом Елевферием на Ольшанском кладбище в Праге, где похоронены воины Красной Армии, погибшие в боях за освобождение Праги.

На панихиде присутствовали: министр школ, просвещения и культов г-н Неедлы, министр информации г-н Копецкий, министр национальной обороны г-н Свобода, представители Советского Посольства во главе с послом В. А. Зориным, послы Югославии и Болгарии, представители армии, государственные и политические деятели, многочисленные верующие.

Перед могилой-памятником был выстроен почетный воинский караул, а военный оркестр исполнил траурный хорал и государственные гимны Советского Союза и Чехословацкой Республики.

Г. Г. Карпов и советский посол В. А. Зорин возложили от своего имени на могилу огромные венки из живых цветов.

По окончании панихиды Г. Г. Карпов, посол В. А. Зорин, министр г-н Неедлы и другие видные государственные и общественные деятели посетили пэкон Экзарха Владыки Елевферия, который устроил в честь Георгия Григорьевича обед.

На обеде присутствовали Архиепископ Сергей и все пражское духовенство.

Находясь в Братиславе, Г. Г. Карпов посетил местное кладбище, на котором Владыка Елевферий совершил панихиду в память похороненных там воинов Красной Армии, сражавшихся за освобождение Словакии.

На панихиде присутствовали представители Словацкого правительства, много верующих. На братскую могилу Г. Г. Карпов возложил венок. Павшим воинам Красной Армии были отданы воинские почести.

Георгий Григорьевич обменялся также визитами с Владыкой Архиепископом Сергием, который готовился к отъезду в Вену — месту нового своего назначения.

После посещения Владыки Сергея Георгий Григорьевич с удовольствием рассказывал нам о русском гостеприимстве этого почтенного иерарха Православной Церкви.

В своих апартаментах в отеле «Алькрон» Георгий Григорьевич неоднократно принимал представителей православного духовенства и имел с ними продолжительные беседы, которые произвели глубокое впечатление на всех участников этих бесед.

Но, пожалуй, самое большое значение визита Г. Г. Карпова в Чехословакию имели прочитанные им доклады о свободе совести и положении Русской Православной Церкви и других вероисповеданий в Советском Союзе. Эти доклады полностью разъясняли и доказывали несостоятельность тех измышлений, которые по этому вопросу распространялись кое-где за границей.

Один из таких докладов Г. Г. Карпов прочитал в Праге по просьбе «Общества культурной и экономической связи с СССР» и, в частности, председателя Общества г-на З. Неедлы.

Зал имени Я. Гуса, в котором происходил доклад, был переполнен слушателями, встретившими появление Георгия Григорьевича на трибуне бурной овацией.

Аналогичные доклады были прочитаны Георгием Григорьевичем по просьбе министра национальной обороны генерала армии г-на Свобода для офицеров Генерального Штаба Чехословацкой армии и в Братиславе — для общественности города. Оба эти доклада, как и первый, имели огромный успех.

Пребывание Г. Г. Карпова в Чехословакии широко освещалось в прессе, которая ежедневно помещала сообщения о тех или иных событиях, связанных с именем Г. Г. Карпова.

**

И вот, наступило 24 июня — день отъезда Георгия Григорьевича в Москву.

Рано утром на пражский аэродром съехались представители государственных учреждений и общественных организаций, чины Советского Посольства во главе с послом В. А. Зориным, духовенство Православной Церкви и среди них: Владыка Елевферий, Владыка Сергей, о. протоиерей Крачмар и другие.

Никому не хотелось верить, что уже настал час расставания с нашим дорогим гостем.

И поэтому каждый полным сердцем присоединился к словам г-на К. Чермак, который в ответ на прощальное приветствие Георгия Григорьевича просил его в самом недалеком будущем вновь пожаловать в Прагу.

Ровно в 6.30 м. самолет оторвался от аэродрома и взял курс на Москву.

**Б. Л. ЧЕРКЕС,
ЧЛЕН ЕПАРХИАЛЬНОГО СОВЕТА
ЧЕШСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

г. Прага

ИЗ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

(По поводу престольного праздника в Кирилло-Мефодиевском Кафедральном соборе г. Праги)

5 июля 1946 года православное население г. Праги, во главе с Экзархом Московской Патриархии в Чехословакии, Высокопреосвященным Архиепископом Елевферием, торжественно справляло престольный праздник в Кирилло-Мефодиевском Кафедральном соборе.

В жизни современной православной Праги это событие отмечается прежде всего как праздник единения доселе разрозненных организационно православных чехов и русских, долгие годы живших обособленно друг от друга, в силу разности церковных юрисдикций, богослужебного языка, национальных отличий и своеобразно сложившегося церковного быта.

Поездка в январе месяце текущего года православной чешской делегации в Москву к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию с просьбой о принятии Чешской Православной Церкви в ведение Московской Патриархии и успешное разрешение этого вопроса, — создали надежную предпосылку для ликвидации существовавшей в Праге внутренней и внешней обособленности православных приходов между собою. А учреждение в апреле месяце того же 1946 года Экзархата Московской Патриархии в Чехословакии с назначением на должность Экзарха, с титулом Пражского и Чешского, Высокопреосвященного Архиепископа Ростовского и Таганрогского Елевферия, — окончательно подготовило почву для сближения приходов в единую семью, под единым архиастырским руководством.

Приезд Архиепископа Елевферия в Прагу в мае месяце текущего года был встречен православными церковными кругами чешской столицы с глубоким удовлетворением.

Просто предстал новый архиастырь Чешской Церкви пред своими пасомыми. Но за внешней скромностью Владыки чувствовалась огромная внутренняя сила Российской Православной Церкви, пославшей его в землю чешскую творить по просьбе чешского духовенства и верующих великое дело организации и укрепления Св. Православия. Скромное появление Владыки-Экзарха как нельзя лучше отображало характер внутренних отношений Матери-Церкви Русской к дочери-Церкви Чешской, отношений глубокой любви и отзывчивости, познающих не в трескучих фразах и пышной декоративной обстановке их внешнего проявления, а в тихой нежной ласке простоты и нравственного целомудрия.

Тем же духом любви было овеяно и приветственное обращение Высокопреосвященного Экзарха к православным пастырям и пасомым в Чехословакии по случаю своего вступления в управление Экзархатом.

Особенно тепло призывал в своем обращении новый архипастырь духовенство и верующих к взаимной любви и единению.

«К этому святому единению, — писал Владыка, — нас призывает Господь. «Да вси едино будут!» — молился он Своему Отцу Небесному пред Своими крестными страданиями. К этому призывает нас Апостол, умоляя, чтобы не было среди нас разделений, но «чтобы все соединены были в одном духе и в одних мыслях» (I Корнф. 1, 10). Об этом единении заботится и наш Святейший Патриарх Алексий, объединив в составе единой Чешской Православной Церкви все православные приходы Чехословакии — и чешские, и русские, и словацкие. Да будем же соединены все в духе единой братской любви и, хотя на разных наречиях, но вместе, едиными усты и сердцем, будем прославлять Единого Бога, в Троице поклоняемого!»

Так началась новая страница в истории Чешской Православной Церкви.

С тех пор прошло два месяца.

Но зажженная Владыкой лампада любви к своей новой пастве горела неугасимым приветливым огоньком, согревая взаимные отношения между архипастырем и пасомыми, освещая путь епископского делания на ниве Божией вдали от Родины.

В престольный же праздник Кирилло-Мефодиевского Кафедрального собора, 5 июля сего года, огонек этот вспыхнул ярким пламенем взаимного единения всего православного населения Праги.

По установившейся традиции Богослужение в этот день совершалось на славянском языке. Своим отступлением от чешского богослужебного языка православные чехи, с одной стороны, демонстрировали свое братское отношение к православным-русским, привыкшим возносить молитвы к Богу на церковно-славянском наречии, с другой, — свое благоговейное почитание просветителей славян, Свв. Кирилла и Мефодия, добре потрудившихся на ниве духовного просвещения славянских народностей на славянском языке.

Да и как православному славянину не склонить своих колен перед этими избранниками Божиими, богатыми опытом познания окружающего мира и жизни духовной, не только утвердившими славян в вере православной, но и самую веру утвердивших через установление славянской грамоты!

Без письменности скоро бы забылись в народе наставления солунских братьев, и вера православная могла бы потускнеть или, в лучшем случае, покрылась бы корой бездушного, присущего католицизму, формализма, с биением воздуха непонятными словами, при омертвелости мысли и глубоком сне сердца.

Но замена в Богослужении чешского языка языком церковно-славянским не ограничивалась одним стремлением чехов — помянуть и почитать «дни древние».

Она таила в себе глубокие собирательные цели. Она звала православных христиан иных наречий, в частности русских людей, проникнуться ответною любовью и к самим православным чехам, исполненным той же веры и являющимся совладельцами того же духовного православного богатства.

Она говорила сердцу русского православного христианина, что и православные чехи — члены одной и той же Вселенской Православной Церкви. Она приглашала опомнаться во взаимных отношениях православных чехов и русских самое главное, связующее их «во едино» и при разности языка, в единовении прежде всего, искать опору для совмест-

ных, братских трудов по созиданию и укреплению Православной Церкви в Чехословакии.

И справедливость требует отметить, что русские православные люди в Праге отлично поняли свой долг по отношению православных чехов. В день престольного праздника они радостно устремились под сень Кафедрального собора для общей церковной молитвы, неся в своем сердце любовь к своим собратьям по вере.

Богослужение совершали: Архиепископ Пражский и Чешский Елевферий, присутствующий в Праге Архиепископ Венский Сергей, настоятель собора прот. Честмир Крачмар (чех), архимандрит Иннокентий (русский), прот. Михаил Васнецов (русский), священники: о. Богумир Аксман (чех), о. Н. Домуховский, о. Г. Кратюк, о. Н. Чистяков, протодиакон М. Яковлев (русские).

За Богослужением пело два хора певчих — чешский, под управлением регента Ирак (на чешском языке) и русский, под управлением регента Стрижака (на славянском языке).

Обстановка разноязычной, но объединенной одними мыслями, одной верой общей церковной молитвы, при стройном, прекрасном пении хоров, производила потрясающее впечатление.

По окончании литургии Владыка Экзарх обратился к богомольцам с кратким поучением на тему праздника. Охарактеризовав обстановку, в которой приходилось трудиться Свв. братьям — миссионерам — Кириллу и Мефодию, Владыка сказал: «Обстановка была сложная, требовавшая от Апостолов православия бесстрашия, терпения, любви. Но они превозмогли все препятствия ибо проповедывали истину. А истина — светлее солнца. Она не боится мрака человеческих заблуждений. Возлюбим же и мы истину святого православия и поучимся у святителей их бесстрашию, терпению и любви в преодолении трудностей ревностного нашего служения истине».

Затем был отслужен краткий молебен и провозглашены многолетия: Президенту Чехословацкой Республики, Правительству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, Патриаршему Экзарху в Чехословакии, духовенству и верующим.

Заключительным актом праздника была братская трапеза в покоях Высокопреосвященного Экзарха, на которой почетным гостем присутствовал атташе Советского Посольства в Праге — И. Ф. Поточкий.

Владыка Елевферий поздравил гостей с праздником и выразил желание крепить союз любви между православными чехами и православными русскими. «Волею Божиею и изволением Святейшего Отца нашего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, мы призваны к славной работе по укреплению Чешской Православной Церкви. Исполнить сей долг мы можем только при условии взаимного сотрудничества и должного понимания стоящих перед нами задач. Я надеюсь, что настоящая наша встреча послужит основанием к развитию и укреплению нашего единства и залогом успеха в нашей работе».

Затем, по благословению Владыки, с приветствием к присутствующим обратился секретарь Экзарха — А. Ф. Шишкин, он сказал:

«Престольные праздники в Кафедральных соборах обычно перерастают масштабы узко-приходских праздников и принимают характер обще-епархиальных торжеств, на которых, с одной стороны, подводятся итоги за минувший год существования, с другой, — намечаются организационные планы на будущее».

Какие же итоги может подвести сегодня Чешская Православная Церковь за прожитый год и какие организационные задачи может поставить она на ближайшее будущее?

Первый крупный итог — это привитие молодой ветви чешского православия к многовековому стволу православия Церкви Русской.

Со вступлением Чешской Православной Церкви в юрисдикцию Московской Патриархии, свежий и пока немногочисленный поток православия в Чехословакии может быть спокоен за свою дальнейшую судьбу и гарантирован от высыхания посреди знойных песков католицизма, протестантизма, англиканизма и прочих инославных «измов», ибо питается водами из океана Русской Православной Церкви с ее многовековым опытом церковно-православного строительства.

Второй, не менее крупный итог, — это создание на территории Чехословацкого Государства единого епископского руководства, на положении Экзархата Московской Патриархии, являющегося каналом, при помощи которого Православная Церковь Чешская может поддерживать постоянную живую связь с Матерью Церковью Русской и получать от нее своевременную помощь советами и указаниями при налаживании внутренней церковной жизни в Чехословакии.

И, наконец, третий итог, — это, при наличии двух первых, — ликвидация причин, мешавших в прошлом отдельным православным приходам в Праге слиться в единую семью, для единой, общей всем, работы по укреплению чешского православия.

Само собою разумеется, что достигнуть этих итогов Чешская Православная Церковь не смогла бы, если бы в ее недрах не нашлось людей, не только думавших о будущих судьбах своей Церкви, но и предпринявших реальные шаги к осуществлению заветных дум и пожеланий. В день престольного праздника мы должны вспомнить об этих людях и засвидетельствовать им нашу общую горячую благодарность.

Но проделанная ими работа — это не более, как введение в обширный план многосторонней, трудной, но благословенной работы, которую еще надлежит исполнить православным деятелям Чешской Церкви во имя ее славного, светлого будущего. План этот осуществим, если на то последует желание православных кругов в Чехословакии, и на выполнение его должны быть направлены все наши помыслы.

Каковы же ближайшие задачи, подлежащие осуществлению православными кругами Чешской Церкви?

Первая задача — всемерно крепить узы любви, связующие Церковь Чешскую с Матерью Церковью Российской и ее главой, Святейшим Патриархом Алексием.

Вторая задача — теснее сплотиться вокруг Экзарха Московской Патриархии в Чехословакии, Высокопреосвященного Архиепископа Елевферия и помогать ему в деле созидания и укрепления Чешской Православной Церкви.

И третья задача — преодолеть до конца наличествующую в Праге разобщенность между православными людьми (русскими и чехами) и, слившись в одну трудовую семью, под единым руководством архипастыря Чешской Церкви, помогать братьям чехам в строительстве ими, самостоятельно в будущем, Православной Церкви в Чехословакии.

Задачи не велики, но осуществление их крайне важно. Они — тот первый ряд кирпичей, на котором в будущем будет возводиться постройка всего здания Чешской Православной Церкви.

Боголюбивые Архипастыри, пастыри и все сотруженики на ниве Христовой! В дни ожесточенной борьбы с немецким фашизмом славянские народы — русский и чешский — бились плечом к плечу против их общего врага и... победили. Православные Церкви России и Чехии вписали также свои имена на исторические скрижали победоносной битвы свободолюбивых народов с неприятелем. Так пусть же крепнет

дружба наших славных народов и светлое будущее Чешской Православной Церкви пусть явится доказательством нашего крепкого единения, полного взаимопонимания и нарастающей взаимопомощи».

Выступавшие затем с приветствиями — настоятель собора, протоиерей Крачмар, регент Успенской Пражской церкви — г-н В. А. Стрижак, активный деятель того же прихода, — г-н П. П. Киреев, и другие поддерживали предложение Владыки крепить связь между приходами. Любопытным и характерным было выступление регента чешского православного хора, г-на Ирак. Он сказал: «Я — католик, но я больше люблю православие и желаю ему всяческого успеха».

Оглашение Владыкой Экзархом полученных из Москвы телеграмм от Святейшего Патриарха Алексия и Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров в СССР, Г. Г. Карпова с приветами и пожеланиями успехов работе вызвало со стороны Венского Архипастыря, Высокопреосвященного Сергия предложение возгласить «многолетие» в честь Святейшего Патриарха и Председателя Совета Г. Г. Карпова. Присутствующие единодушно присоединились к предложению и троекратное «многая лета» прозвучало как выражение сердечной любви хорошо известным и уважаемым в Чехословакии людям. Протоиерей Ч. Крачмар со своей стороны провозгласил здравицу в честь главы Советского Правительства — Генералиссимуса И. В. Сталина, поддержанное новым дружным пением «многолетия».

Решено было послать также приветственную телеграмму Его Святейшеству Патриарху Алексию с выражением готовности со стороны всех православных людей Праги помогать укреплению Св. Православия в Чехословакии.

Разошлись гости в настроении взаимного доброжелательства. Один из мастеров чешской словесности XIX века Святополк Чех писал некогда:

«Славяче, к единству! Вот крепкий залог
Нашей свободы и гибели врагов!»

Пожелаем же и мы православным людям Праги крепкого единения между собой, ибо споры ослабляют союз и дают врагам в руки оружие против него.

А. ШИШКИН

ГУСОВСКИЕ ТОРЖЕСТВА В г. ТАБОРЕ

(Чехословакия)

День шестого июля то новому стилю для населения Чехословацкой Республики является днем всенародной памяти о великом чешском патриоте XV века, профессоре Пражского университета, магистре Яне Гусе, в свое время с большою смелостью обрушившемся против католицизма и против современного ему феодального режима, приведшего чешский народ к невыносимой эксплуатации и рабскому закрепощению.

Накануне праздника в Праге, на площади старого города, около памятника Гусу, устраиваются большие патриотические манифестации, с парадами, традиционным сожжением костров, пением гусситских хоралов, произнесением речей.

В самый же день праздника многие жители города уезжают в г. Табор, исторический центр гусситского движения, расположенный в 82 километрах от столицы. Сюда же приглашаются обычно видные члены чехословацкого правительства, совершается торжественная панихида по Гусу, а затем неподалеку от города, в местечке Козьи Градки, бывает публичный митинг с воспоминаниями о жизни и деятельности любимого патриота и его соратников.

В нынешнем году почетными гостями столицы были приглашены на таборские торжества: министр труда и социального обеспечения г-н доктор Неедлы, заместитель советского посла в Праге И. А. Чичаев и Экзарх Московской Патриархии, Архиепископ Пражский Елевферий.

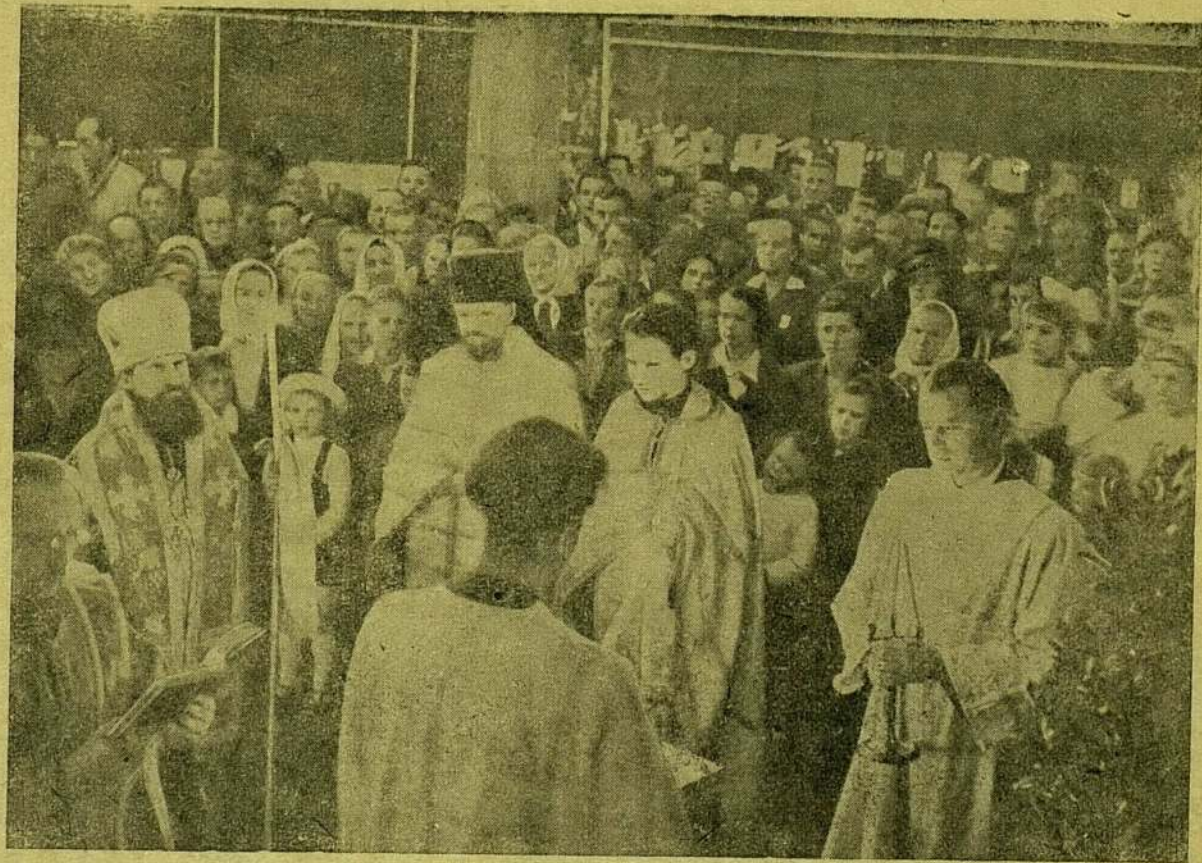
Вблизи Табора гостей встретили представители местной Городской Справы. По прибытии в город гости первоначально посетили главное здание Городского управления, а затем направились к старинной ратуше города.

На площади министр труда и социального обеспечения доктор Неедлы и заместитель советского посланника И. А. Чичаев приняли почетный караул. После все осматривали Гусовский музей, знакомились с экспонатами юбилейной выставки, слушали панихиду по Гусу.

Из-за пасмурной дождливой погоды Богослужение совершалось внутри ратуши. Высокопреосвященному Экзарху сослужили: настоятель Пражского Кафедрального собора протоиерей Ч. Крачмар, иеромонах Андрей (Коломацкий), священник Таборской Крестовоздвиженской Церкви о. И. Голий, диакон Иоанн Тихий.

Пел хор Пражского Кафедрального собора.

Перед началом панихиды Владыка Экзарх обратился к присутствующим с кратким словом, в котором, перечислив заслуги Гуса перед Родиной, высказал пожелание: «Дай Бог, чтобы побольше было в чешском

Панихида по магистру Яну Гусу в старой ратуше г. Табора.
Духовенство слева направо: диакон Пражского кафедрального собора Иоанн Тихий, Экзарх Московской Патриархии в Чехословакии Архиепископ Елевферий, иеромонах Андрей (Коломацкий) — настоятель Успенской церкви г. Праги, священник Иоанн Голий — настоятель Крестовоздвиженской церкви в г. Таборе

народе таких пламенных патриотов, как магистр Ян Гус. Помолимся о нем, да упокоит Господь его душу в небесных селениях».

Ратуша была переполнена народом. Многие оделись в национальные костюмы, с красивыми вышивками и украшениями, ввиде сверкающих бус, разноцветных лент, блестящей металлической чешуи.

Понятный для чехов язык богослужения (панихида совершалась на чешском языке, по чину, составленному приснопамятным мучеником фашизма — епископом Гораздом) обеспечивал сосредоточенность молитвы, ее торжественность.

С окончанием панихиды окончилась и официальная часть праздника в Таборе. В 3 часа дня в честь приезжих гостей был дан обед. За обедом радушные хозяева города благодарили министра д-ра Неедлы, заместителя советского посланника Чичаева и Высокопреосвященного Экзарха за посещение и поднесли ценные подарки. Высокопреосвященному Экзарху была поднесена бронзовая статуя Яна Гуса великолепной работы.

Через полчаса после обеда гости выехали в Козьби Градки, к замку, где проживал в свое время Ян Гус, вынужденный вследствие проклятия папы оставить Прагу.

Замок окружен глубоким рвом. От него сохранилась лишь часть стен, от времени поседевших и покрывшихся травой. Напротив замка — отлогая лесистая возвышенность. Сюда-то и приходили современники Гуса послушать огненные проповеди своего учителя и получить зарядку для борьбы с немецким засильем и папскими утеснениями. Прямо перед возвышенностью, на развалинах замка, сооружена была площадка с сидениями для гостей. Народ разместился по склону горы, среди деревьев. На фоне хвойной зелени разноцветные пятна одежды паломников, почитателей Гуса, создавали изумительное по красоте полотно красок.

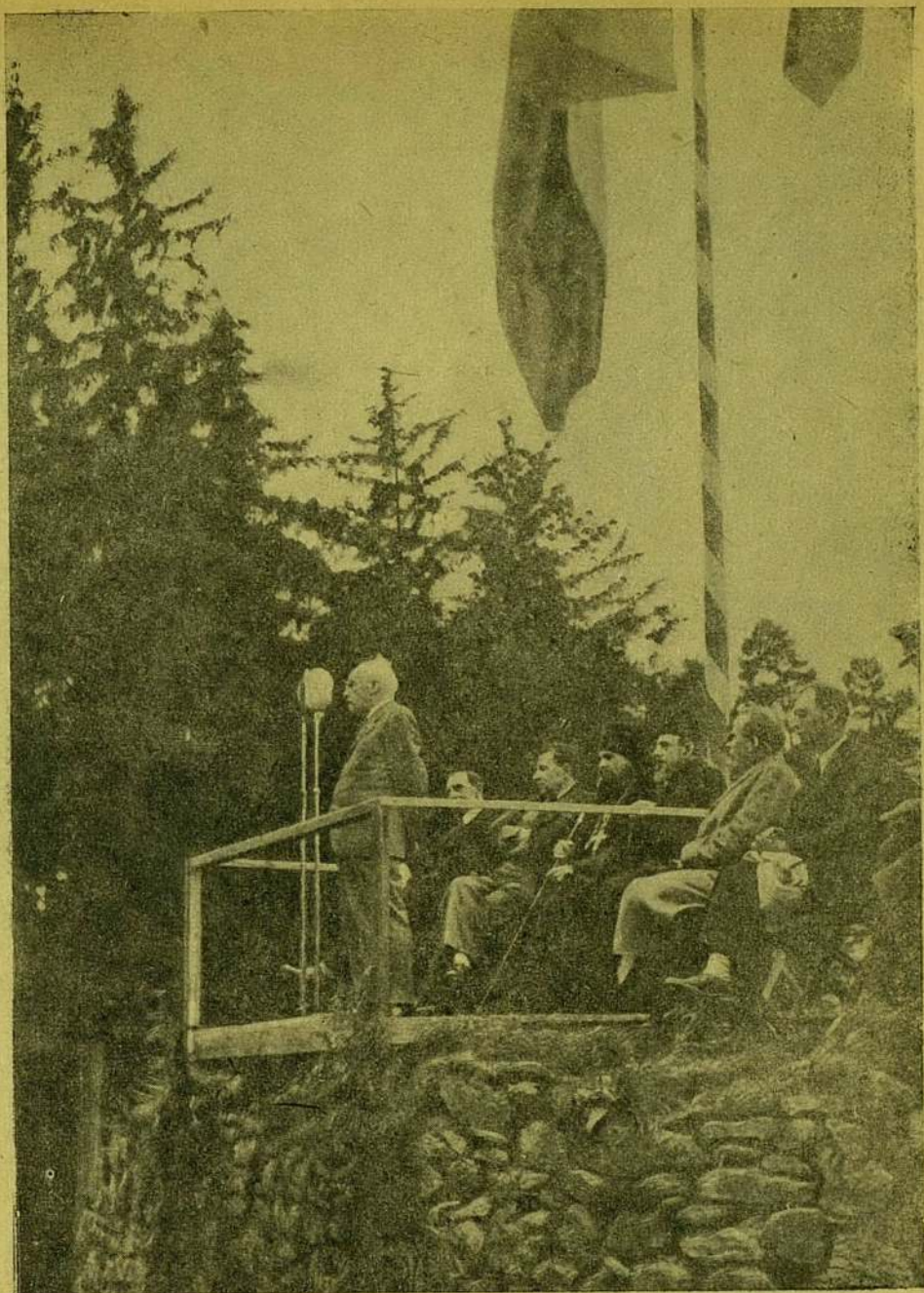
После краткого вступительного слова председателя местной Городской Справы с большим докладом о значении Гуса и его идей для современных славян выступил министр труда и социального обеспечения д-р Неедлы. После него с приветствием к народу обратился зам. советского посла в Чехословакии И. А. Чичаев. Местный хор исполнил ряд гусситских хоралов, а в конце всеми присутствующими был пропет Чехословацкий гимн.

Сидя на трибуне, посреди развалин средневекового замка, молчаливо глядевших на гусовских потомков двадцатого столетия и как бы ожидавших, что-то скажут они по адресу констанцкого мученика, душу охватывало волнение. Прикосновение к поседевшим реликвиям средневековья связывало прошлое и настоящее воедино. Поток времени ощущался, как неподвижность. Пятивековой его отрезок психологически воспринимался, как единый миг.

На обратном пути народ приветствовал гостей и шумно выражал свои симпатии к Советскому Союзу — освободителю чешского народа от цепей фашистского рабства.

Вечером того же дня Владыка Экзарх присутствовал на вечернем богослужении во вновь построенном в Таборе православном храме, а после имел продолжительную беседу с верующими о положении религии в Советском Союзе.

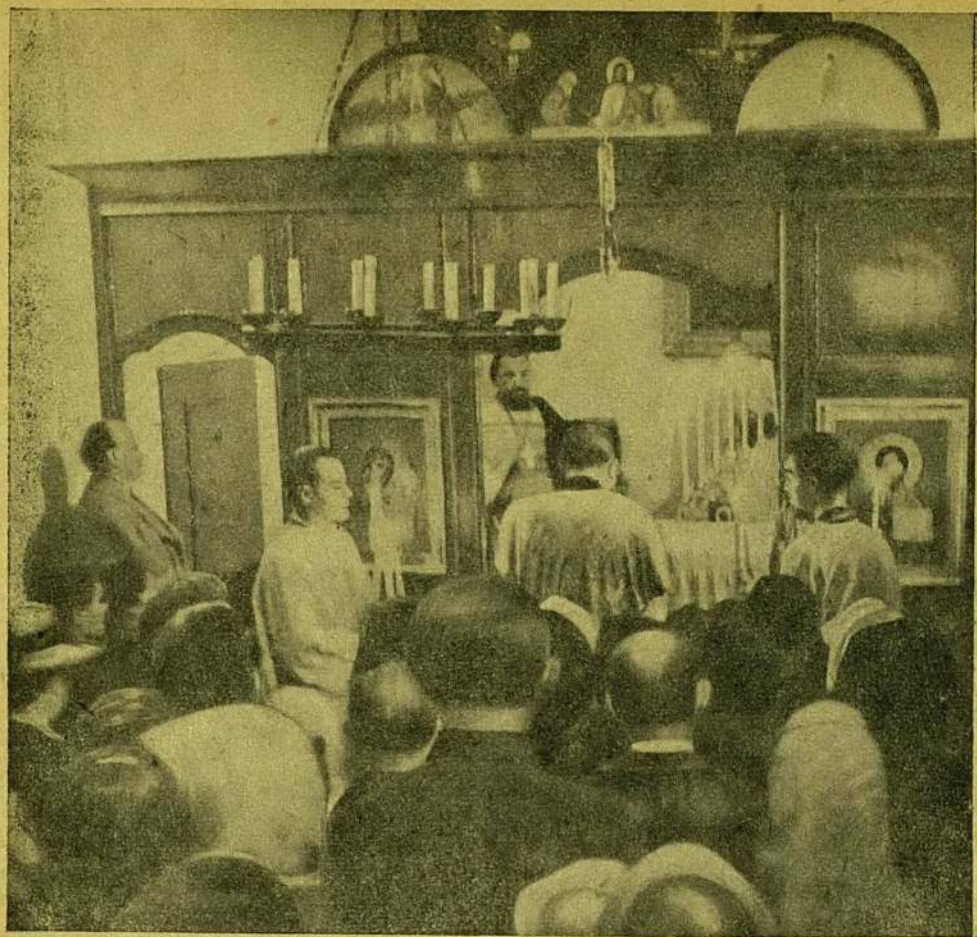
Утром 7 июля, в воскресенье, Высокопреосвященный Экзарх освятил храм в честь Животворящего Креста Господня, сказал богомольцам ласковое напутственное слово и призывал их беречь зажженный огонек православия своим усердным посещением храма, заботливым отно-

Митинг в Козьих Градках на развалинах Гусовского замка.

У микрофона министр труда и соц. обеспечения д-р З. Неядлы.

Сидят слева направо: председатель Городской Народной Справы в г. Таборе, заместитель Советского Посла в Чехословакии Чичаев И. А., Экзарх Московской Патриархии Архиепископ Елевферий, протонерей Пражского Кафедрального собора Ч. Крачмар.

Архиепископ Елевферий совершает Богослужение в одном из чешских храмов

шением к его нуждам и нуждам духовенства, ревностным исполнением своих христианских обязанностей к Богу и ближним.

Перед отъездом в Прагу Владыка осматривал старинный замок современника Гуса, знаменитого полководца гусситских войн — Яна Жижки. Суровость и тяжеловесность его архитектурного рисунка вполне отражает беспокойный дух средневековья.

Далекой стариной веет от Старого Табора с его узкими улицами — западнями для неприятеля.

Сопровождал Владыку при поездке в Табор протонерей Ч. Крачмар, настоятель Пражского Кафедрального собора, один из поборников соединения Чешской Православной Церкви с Московской Патриархией.

К вечеру, 7 июля, Владыка благополучно возвратился в Прагу.

А. ШИШКИН

речи, проповеди

МУЧЕНИКИ

С л о в о,
сказанное в Патриаршем Богоявленском соборе г. Москвы
25 июля

Мы собрались около мощей святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Мы окружаем их святые нетленные останки, мы благоговейно целуем эту святыню.

Верующее православное сердце питает особую любовь к мученикам. Разве это не так? Святой мученик Иоанн Воин, великомученики Пантелеймон, Димитрий Солунский, Виленские мученики, — с тех пор как мы их близко узнали, — великомученицы Варвара, Анастасия, Екатерина — ведь это наши любимые святые.

Чем притягивают к себе сердца святые мученики? Прежде всего своим жертвенным подвигом, своими страданиями, своей мученической смертью. Всякий подвиг, тем более соединенный с жертвой, покоряет наше сердце. Разве умрут когда-нибудь в памяти народной подвиги наших героев, отдавших в последней войне свои молодые жизни за наше благополучие, за нашу мирную жизнь, за нашу Родину? Разве когда-нибудь мы их забудем? Их подвиг овеян неумирающей славой. А за кого умирали наши святые мученики, наша слава, наша гордость? Они умирали за Христа, они умирали ради священной цели нашей жизни земной — спасения бессмертной души. И подвиг их был совершенно добровольным. Им предлагался выбор: или поклониться языческому идолу и получить свободу и материальное благополучие, или принять пытки. И они избирали последнее.

Православное верующее сердце окружает память святых мучеников особенной своей любовью и за то, что они в своем мученическом подвиге проявили всю красоту души, осуществили высшие священные добродетели христианской жизни, составляющие самую душу христианства — веру, любовь, надежду. Они шли на свой подвиг полные пламенной, убежденной веры в истинность и непреложность слов Господа Иисуса Христа: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет свою душу ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мрк. 8, 35). Эта вера настолько воодушевляла их, что они безмолвно, без стонів переносили самые тяжкие пытки и предсмертные страдания, умирая с улыбкой не покидавшей их духовной радости.

Их воодушевляла вера в Небесного Отца, их согревала в их подвиге любовь к Небесному Отцу. Во имя этой всезахватывающей любви они отказывались от всех земных радостей и не жалели своих молодых жизней. Святых мучеников согревала любовь ко Христу и укрепляла надежда — надежда на милосердие Небесного Отца, Который их муче-

нический подвиг примет, как искупительную жертву за все вольные и невольные согрешения, надежда на то, что мученическая кровь омоет их как бы водой крещения. Некоторые святые мученики подходили к мученическому венцу после греховной жизни, как, например, мученик Вонифатий, и эта надежда на искупительную силу их смерти окрыляла их. Но и те, кто приносил в жертву свою чистую душу, нуждался в этой же надежде на милосердие Божие. Ведь чем светлее вода, тем заметнее в ней даже самые малые пылинки. Когда луч солнечного света падает в комнату сквозь узкую щель, он освещает мириады пылинок, носящихся в воздухе. И чем чище сердце человека, тем больше носитель такой чистоты замечает в себе всякие греховные пятна. Чем выше подымается человек по ступеням духовной жизни, тем более он сознает себя грешником. И такие чистые души, как великомученик Пантелеймон, великомученица Варвара, юный Виленский мученик Евстафий, стоя у своего мученического конца и согревая свое сердце любовью к Небесному Жениху своих душ, укреплялись этой надеждой.

Вот такими сияющими своей верой, любовью, надеждой, блистающими своим мученическим подвигом, стоят перед нами святые Виленские мученики — Антоний, Иоанн и Евстафий. Шестьсот лет тому назад они совершили свой мученический подвиг, умирая за Христа. Сколько бесстрашия духа, веры, терпения проявили они в своих предсмертных страданиях и во время многодневных темничных заключений, и тогда, когда Антония предавали жестоким избиениям, и когда у Евстафия снимали кожу с волосами с головы, в рот вливали холодную воду, отрезали ему уши и нос, и каждого из них вели на мучительную смертную казнь! Ах! какими недостойными и грязными в грехах своих мы создаем себя, стоя около нетленных тел этих святых страдальцев!

Мы не можем не слышать и тех уроков, какие они подают нам. Ведь мы не только прославляем святых мучеников, как носителей высочайшего подвига и нетленной духовной красоты, — мы смотрим на них и как на наших учителей. Конечно, не в мученическом подвиге их мы можем им подражать: к этому подвигу никого из нас не зовет наш Господь. Но мы можем и мы должны подражать их вере, их любви, их надежде.

Надо иметь крепкую и убежденную веру в истинность каждого слова нашего Спасителя, в близость к нам нашего Небесного Отца, в Его отеческую любовь к нам, в силу Его крестного искупительного подвига за наше вечное счастье. Такая вера всегда будет для нас источником духовной силы, источником ни с чем несравнимых радостей и светочем, ведущим нас к вечной жизни.

Подражая святым мученикам, надо гореть любовью ко Христу, подобной их любви. Сейчас я вижу перед собою переполненный вами храм. Ведь вы пришли сюда во имя любви ко Христу и к этим святым мученикам, которым Господь дал силы совершить их мученический подвиг. Пусть любовь к храму Божию, любовь к Небесному Отцу, любовь к нашим святым небесным друзьям, к нашей общей Небесной Матери никогда не угасает в наших сердцах. Я вижу, с каким вниманием и тишиной вы слушаете сейчас меня. Вы слушаете нас во имя любви ко Христу и Его слову, потому что мы говорим вам о Боге и о той жизни, какую Он нам заповедал. Пусть любовь к слову Божию никогда не умалется в ваших сердцах. Во имя любви к нашему Небесному Отцу спасайте свои души для жизни вечной и оберегайте их от вечной гибели.

Согревая свое сердце любовью ко Христу, укрепляйте это сердце, подобно мученикам, надеждой на милосердие Божие. У нашего Небесного Отца не может быть отчаяния для самого тяжкого грешника.

Мы знаем, что приходящий к Нему и в одиннадцатый час своей жизни получит ту же награду, что и пришедший в третий час, если он придет к Нему с верой, любовью и надеждой. Вера, надежда и любовь — это душа и сердце всей духовной жизни православного человека. Это три самых высоких основных добродетели христианской жизни.

Сегодня мы прощаемся с нетленными останками святых Виленских мучеников. После тридцатилетнего пребывания в Москве они возвращаются в свою родную литовскую землю, в тот город Вильну, в котором они пострадали за Христа. Дадим же обещание никогда не забывать уроков их жизни, их мученического подвига. Поблагодарим наших дорогих незабвенных священных гостей за те минуты умиления, какие мы пережили за эти дни около их святых останков. Будем молить их, чтобы они никогда не забывали нас перед престолом Божиим в своих о нас заботах, и мы веруем, что уходя от нас своими святыми телами, они не покинут нас духом и будут всегда с нами. В последний раз поклонимся им земным поклоном.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАИ

ЦЕРКОВЬ

С л о в о,
сказанное в Преображенской, что на Преображенской площади,
церкви г. Москвы

Только что мы окончили Божественную Литургию, и сколько святых переживаний мы уносим с собой в сердцах!

Мы утешились нашей совместной молитвой, с благоговейным вниманием мы слушали слово Божие, много раз мы склоняли свои головы под благословляющие руки Церкви, многие из вас вместе с нами, священнослужителями, причастились Святых Таин. Мы пережили эти радостные минуты только потому, что все мы — дети Святой Православной Церкви. Если бы мы были простыми посетителями храма, пришли бы сюда только из любопытства, с целью посмотреть убранство храма и совершаемую в нем службу, наши сердца не могли бы участвовать в общей молитве, на нас не простиралось бы благословение Церкви. Но мы — деги Церкви Православной. Мы пришли сюда, как в родной дом, в дом своего Небесного Отца и потому стали участниками того духовного пира, какой здесь предлагает Небесный Отец Своим детям. Здесь, в храме Божием, во время совершения Божественной службы мы с особой силой ощущаем счастье принадлежать к Святой Православной Церкви, этой великой семье Божиих детей.

Основанная Господом нашим Спасителем Святая Церковь из маленькой семьи первых христиан выросла в огромную, не исчислимую даже миллионами, святую семью. Из маленького зернышка, посаженного в землю Божественным Садовником, выросло огромное многоветвистое дерево, покрывающее своими ветвями весь мир. И маленьким листочком на этом дереве является каждый из нас.

Почти тысяча лет прошло с тех пор, как на нашей родной земле засиял свет Христовой веры, и на стволе Вселенской Церкви за это время выросла громадная ветвь Церкви Русской. Наши прадеды, деды, отцы жили и умирали в ограде Православной Церкви, и счастье ей принадлежать по наследству от них перешло к нам.

Чем для нас, мои дорогие, является Церковь? Она — наша мать, крепко и с любовью обнимающая нас своими материнскими объятиями, подобно тому как птица своими крыльями покрывает и согревает птенцов. Каждый из нас телесно рожден своей матерью. И Церковь, как наша духовная мать, каждого из нас духовно родила в святом таинстве крещения. Крещение — это наше духовное рождение; через него мы входим в ограду Святой Церкви и становимся детьми ее и нашего общего Небесного Отца. Мать кормит свое дитя сначала молоком, потом, с возрастом, и твердой пищей (Ср. 1 Кор. 3, 2). Наша мать — Церковь питает всех нас духовной пищей; своими молитвами, своими благосло-

вениями, благодатными дарами Духа Святого, Святыми Тайнами Божественного Тела и Крови Господних, читая и проповедуя нам слово Божие; она каждому подает пищу, соответствующую состоянию ума и сердца человека: и младенец, и старец, и ученый, и простец, и грешный, и праведный — каждый утоляет свой голод и жажду этой пищей.

Мать воспитывает свое дитя, ею рожденное и ею вскормленное; она учит его тому, что хорошо, и что дурно, предупреждает свое дитя о неизбежных в жизни скорбях, учит его и своим добрым примером, и своим добрым советом. Наша мать — Церковь во всех тех уроках, какие она преподает нам за своим богослужением, всем богатством творений святых отцов и учителей Церкви, всем своим укладом и своими заповедями учит нас жить жизнью, достойной христианина, завещанной Господом Иисусом Христом и ведущей нас к вечному спасению. Падших в грехах Церковь зовет к покаянию; она будит дремлющую греховную совесть; кающихся грешников она удерживает от уныния и отчаяния, вселяя в них надежду на Божие милосердие. Церковь, как истинная наша мать, сопутствует каждому из нас во всей его земной жизни: в радостях, в скорбях, во всех важных обстоятельствах нашей жизни земной она молится за нас и призывает на нас Божие благословение.

Мать никогда не забывает свое дитя и даже тогда, когда само дитя забывает мать и отворачивается от нее. Мать продолжает молиться и за свое падшее дитя, и не одна слеза скатится с ее очей среди ночи во время этой молитвы о таком дитяти. Никогда не забывает своих заблудших или падших детей Святая Церковь; каждый день она молится о том, чтобы Господь вразумил всех заблудших и соединил бы их всех в лоне Православной Церкви. Несомненно, этим ежедневным молитвам Святой Церкви мы обязаны тем, что за последние годы множество отколовшихся от нашей Русской Православной Церкви людей вновь вернулось с путей раскола в ограду Православной Церкви. Как мать, заботящаяся о детях, наша Святая Церковь ежедневно возносит свои молитвы о плавающих, путешествующих, недугующих, в скорби сущих, о тех, кто по какой-либо причине не смог прийти к богослужению в храм. Всех она обнимает своей любовью, своей молитвой, своим благословением. О, какое это счастье быть детьми Святой Православной Церкви!

Придет смертный час каждого из нас, и своим последним напутствием и благословением наша Церковь будет провожать наш бессмертный дух в путь вечной жизни. Наш прах будет принесен сюда, в святой храм, и надгробные рыдания провожающих нас сольются с надгробными молитвами Святой Церкви об упокоении в Царствии Небесном наших грешных душ. Она никогда не забудет нас, своих детей: и тогда, когда нас с вами здесь не будет, не будет на земле и тех, кто после нашей смерти, по любви к нам, еще мог бы подать записочку с поминовением за упокой нашей души, — никогда не умолкнет молитва Святой Церкви о нас. В дни родительских суббот Святая Церковь до скончания века будет поминать всех праотцев, отцов и братьев, в вере православной скончавшихся.

И умирая, мы не выйдем из ограды Святой Православной Церкви. Мы лишь перейдем из Церкви земной в Церковь Небесную. Церковь земная, которую святые отцы называют воинствующей, потому что члены ее должны воинствовать с грехом, и Церковь Небесная, называемая торжествующей, составляют одну Церковь, глава которой Христос. Церковь Небесную составляют все святые и души всех верных детей Христовых. Мы — живущие здесь, на земле, и они, дети Церкви Небесной, находимся между собой в непрерывной молитвенной связи. Святым мы молимся как нашим молитвенникам перед лицом Божиим, а за

умерших близких мы приносим молитвы о их упокоении. Молитвы к святым испрашивают нам благословение Божие, а молитвы за умерших облегчают их посмертную участь. И когда сами мы умрем и присоединимся к Церкви Небесной, мы будем счастливы ощущать веяние молитв за нас в Церкви земной. Только надо быть достойными войти в эту Небесную Церковь! Надо жить и умереть истинным христианином и верным чадом Церкви земной, — и тогда нашему счастью в объятиях Небесной Церкви не будет конца.

Темною, безоблачною ночью мы любуемся множеством звезд, разбросанных по небу. Звездное небо так покоряет своей красотой, что нам трудно оторвать от него свой взор. Есть небо церковное, усеянное такими же мириадами звезд, как и ночное небо. Эти звезды — это сияние вечной славы святых угодников, входящих в Небесную Церковь. Оттуда, с высоты этого духовного неба, они сияют своей вечной духовной красотой и говорят нам о том, что и каждый из нас призван Небесным Отцом к той же вечной славе в Небесной Церкви. Эти небесные звездочки напоминают нам о том, что наша земная жизнь, такая короткая, в несколько десятков лет, представляющая собой одно мгновение по сравнению с вечностью, — каждому из нас дается только один раз, и дается для того, чтобы в ограде земной Церкви, под ее благодатными крыльями, с ее благодатной помощью стать достойным вечной жизни.

Путешествуя в прошлом году по Ближнему Востоку и странам Европы, мы встретились в Иерусалиме, Каире, Лондоне, Париже с русскими православными людьми, живущими там в последние 25—30 лет вдали от Родины. Большинство наших русских братьев за границей отошло от Матери — Русской Церкви в ими же созданные заграничные церковные расколы. А теперь мы были свидетелями того, как они после долгих лет своего разрыва с Матерью-Церковью потянулись опять к ней: с какими слезами, с каким душевным надрывом и раскаянием в грехе разрыва церковного единства. Вот какая притягивающая сила у Матери-Церкви! И с какой любовью Мать-Церковь принимала в течение всего прошлого года вновь в свою ограду заблудших и временно отпадавших от нее детей. Как мы должны быть счастливы, что принадлежим, не отпадая, к Матери-Церкви Православной, и как мы должны дорожить этим счастьем, чтобы не лишиться его по множеству наших грехов!

Будем же верны нашей Матери Православной Церкви до смерти. Будем любить ее крепкой и неизменной сыновней любовью, будем послушны ее заветам, ее уркам, ее призывам. Пусть ее святые храмы будут всегда для нас любимыми и родными местами духовного отдыха и благодатного подкрепления. Приводите в храм Божий детей, пусть они полюбят его от дней своего детства. Кто знает, может быть потом, в жизни, полной неизбежных скорбей и испытаний, когда вера остынет и молитвенный дух погаснет, вспомнится человеку его детская молитва в храме Божием, какое-нибудь слово проповеди церковной, давно слышанной, — и потянет человека опять под своды храма, где неумолкаемо раздается призыв Небесного Отца: «Приидите ко Мне все тружующиеся и обремененные, и Я упокою вас» (Мф. 11, 28).

Святой Иоанн Златоуст говорил своим духовным детям: пусть каждый из вас после богослужения выходит из храма Божьего лучшим, чем он вошел в этот храм. Да даст Бог, чтобы что-нибудь из этого слова, запав в ваши души, принесло бы свой плод для величайшего на земле дела — спасения наших душ.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ

СТАТБИ

ВЕЛИКАЯ ГРОБНИЦА

(У мощей Преподобного Сергия)

Пять с лишним веков тому назад, 5 июля 1422 г., мощи великого старца Преподобного Сергия Радонежского были торжественно изнесены из земли. Звенигородский князь Юрий Димитриевич (сын Димитрия Донского и крестник Сергия), братия монастыря, множество знати и толпы простолюдинов, собравшись у могилы выдающегося деятеля Руси, с благоговением созерцали дивную картину. В повествовании об этом событии (не установлено точно, принадлежит ли оно Епифанию — первому составителю жития Преподобного Сергия—или Пахомию Сербину) можно прочитать следующие трогательные строки: «... священный собор, открывше чудотворный гроб... видеша чудное зрение и умиление достойно, яко не токмо честное святого тело цело и свято соблюдется, но и одежда его, в ней же погребен бысть, цела бяше всяко и тлению никакоже сопричастна...» Мощи были уложены в приготовленную для этой цели деревянную раку и установлены в сооруженном в это же время Троицком соборе (Троицкий собор и был воздвигнут на месте той тесной и низкой деревянной церкви, которую в первые же дни по водворении своем на пустынножительство соорудил собственноручно молодой отшельник).

Несомненно, что такой праведник и опытейший пастырь духовных чад, каким был в своей непорочной жизни «истинный воин Христа Бога», — как прославляет его Церковь, — начал почитаться в самом Троицком монастыре, как местный святой, вскоре после его кончины (до открытия мощей). В середине XV века имя Сергия Радонежского можно видеть включенным уже в немногочисленный еще тогда список общерусских святых. Так как первая известная церковь в честь преподобного Сергия была поставлена в 1463 г. Новгородским архиепископом Ионою — на владычнем дворе в Новгороде, — то вполне основательно утверждать, что к концу XV столетия преподобный считался признанным угодником по всей русской земле.

Усерднейший почитатель Сергия, царь Иван Грозный счел своим долгом устроить для священных останков более украшенное вместилище, чем первоначальный скромный ковчег. Около 30 лет лучшие мастера государевы трудились над созданием серебряной позолоченной раки¹. 15 августа 1585 г. было торжественнейшим днем в Троицкой

¹ Современникам, привыкшим к совершенно другим измерениям, этот почти тридцатилетний срок (есть известие, что тетка царя Ивана, княгиня Ефросиния Старицкая, делала вклад на изготовление раки в 1556 г.) может показаться маловероятным. Помимо необычайной трудоемкости работ по украшению раки, вполне можно допустить, что имели место и некоторые перерывы в таком ответственном деле.

обитатели. Многочисленным сонмом духовенства, во главе с Митрополитом Дионисием, мощи преподобного Сергия были переложены в новый саркофаг (где почивают по сей день), после чего состоялось освящение только что законченного строителями величественного Успенского собора. И если сам инициатор столь богоугодных деяний не дожил до этого замечательного дня (Иван IV скончался 18 марта 1584 г.), то торжество было возглавлено не уступавшим отцу в благочестии Феодором Иоанновичем, который нарочито прибыл для такого празднества в монастырь. Радостный колокольный звон долго витал над окрестными полями и лесами.

В настоящее время мощи преподобного Сергия перенесены в Успенский собор и установлены около иконостаса, между алтарной дверью и южным входом, что соответствует их прежнему местоположению в Троицком соборе. Выбор нового места оказался удачным еще и потому, что как раз против гробницы в иконостасе помещается большой образ Преподобного. Простая деревянная сень, сменившая пышный балдахин времен Анны Иоанновны, напоминает посетителям храма, сколь приятна простота, которую так любил в течение своей долгой и светлой жизни скромный подвижник.

**

Один за другим молящиеся прикладываются к мощам, получают благословение от стоящего рядом иеромонаха, крестятся и отходят в сторону. Созерцаешь это непрерывное поклонение и невольно задумываешься... Ведь вот уже шестое столетие притекают русские люди к этому гробу, в котором покоится бессребренник и миротворец, мудрец и патриот. Перед массивной и искусно отделанной гробницей (над нею неугасимо мерцают огоньки в разноцветных лампадах) появляются богомольцы разного возраста, общественного положения, характера и развития. Что же влечет сюда толпы и одиночек — интеллигентного человека, насыщенного всевозможными знаниями, и пожилую женщину, чей ум не искушен даже началами наук?

Можно найти на такой, вполне уместный для нашего критического века, вопрос многие частные ответы. Они будут так же разнообразны, как разнообразно духовное «я» человеческого существа, как многоцветна жизнь с ее радостями и невзгодами. Ведь ни влечения ума, ни порывы сердца неповторимы в каждом из нас, и если сказать, что один преклонил свою голову под этой безыскусственной сенью, чтобы оживить и обогатить дорогие воспоминания детства, другой — напомнить слуху старинные лаврские напевы, третья по обету, а кто-то, отягощенный старостью и предчувствием, что ему не придется больше побывать здесь — все это будет совершенно верно. Одно из подобных побуждений может быть необычайно сильно, а другое желание покажется постороннему недостаточно глубоким — и это будет иметь место. И здесь, как в паломничестве к любому объекту, среди веры и горения большинства затеряется примесь пустого любопытства некоторых.

Но это все детали, отдельные проявления чего-то основного, главного. А надо, извергнув неизбежные плевелы, для массы искренних и ревностных, волна за волною оmyвающих подножие этого замечательного гроба, дать единое и исчерпывающее объяснение — почему она так упорна в своем рвении, почему так неиссякаемо ее движение?

Причина, движущая столько индивидуумов в одном направлении, не нуждается, по нашему мнению, в тысяче доказательств. Вера в Преподобного Сергия, в действительность его молитвы перед Тем, в исполнении заповедей Которого он был так неутомим, в его постоянное предста-

тельство за русскую землю, ибо он сам был одним из лучших ее сыновей — эта вера приводит и будет приводить истинно православных к прославленным мощам. А такая неугасающая вера в Преподобного сама является следствием непоколебимой преданности нашего народа Православной Церкви вообще.

Есть у русского народа прекрасные традиции, порожденные нашей замечательной религией. К ним и принадлежит обыкновение прибегать к заступничеству великого угодника в больших и малых делах. Эта традиция уходит своими корнями в далекое XIV столетие, когда жил и подвизался на Руси кроткий игумен Троицкой обители. Основоположником такого благочестивого стремления надо считать великого князя московского Дмитрия Ивановича, чье дерзание поразить врагов Родины вдохновенно поощрял великий Сергей. С той поры и повелось так, что каждый из деятелей, завершивший правое начинание, спешил к мощам основателя Лавры со словами и лептой благодарности.

Вызванные памятью, преклоняют колени у мощей скорбные и величественные фигуры прошлого. Плачет перед ними внук Дмитрия Донского и отец знаменитого Ивана III, московский князь Василий Тёмный, в пылу междоусобицы лишенный зрения извергом-родичем. Однако слепоту сумел он воспринять не как непоправимое несчастье, которое обычно делает человека угрюмым и озлобленным, а как нужное испытание, и смог с признательностью сказать ослепившему его Шемяке: «Ты дал мне средство к покаянию!» Последние годы правления Василия были более благоразумными, чем начало. Так, с помощью Преподобного моральная сила русского человека проявилась в столь тяжелых обстоятельствах с достаточной полнотою.

Долго молился духовному организатору блестящей Куликовской победы Иван III, готовясь к великому делу свержения татарского ига. Покоритель Казани, юный еще Иван IV почел первойшей обязанностью посетить Сергиеву обитель, прежде чем въехать в Москву, куда он спешил, чтобы увидеть своего первенца и насладиться приветственными кликами народных толп.

Начало XVII века было для Московского государства суровым испытанием. Междоусобицы и боярские распри, крестьянские движения и иноземное нашествие — все это переплелось сложнейшим образом и вылилось в громадную повсеместную бурю. Героическая оборона Троицкого монастыря, выдержавшего шестнадцатимесячный вражеский натиск, ободряла неуверенных и отчаивающихся. К стенам всероссийской святыни пробивался доблестный полководец Михаил Скопин-Шуйский, чтобы прославиться победой над Салгеей и сделаться надеждой россиян. К мощам преподобного Сергия принесли храбрые москвичи Дмитрия Пожарского после ожесточенной битвы у церкви Введения на Лубянке, когда, обожженный и изнеможенный от множества ран, упал в конце дня за мертво мужественный отчизнолюбец. Гроб великого Сергия явился вдохновителем и собирателем воедино всех патриотических сил. От него устремились по русским просторам гонцы с призывными грамотами архимандрита Дионисия, двинулись посланцы для сбора ратных людей со всех концов страны. Отсюда, после многодневной тщательной подготовки, повели Пожарский и славнейший нижегородец Минин доблестное ополчение на спасение столицы и всего государства.

Проходит шесть лет, и еще раз поднимаются на стены отважные защитники монастыря, чтобы отстаивать святыню против отрядов польского королевича Владислава. Снова молитвы заступника Руси спасают Москву и обитель.

От какой непоправимой бы утраты сберегла Россию гробница Пре-

подобного в конце того же века, когда в непосредственной близости от нее дважды спасся от убийц Петр Великий! Недаром признательный Петр первые из своих побед, которыми всегда будут гордиться соотечественники, отметил памятником своему спасителю: две восстановленные во взятом Азове башни царь приказал наименовать Сергиевскою и Никоновскою.

Наши предки имели благочестивый обычай брать с собой на поле боя священные реликвии. Еще одним весьма убедительным подтверждением их глубокой веры в то, что Преподобный Сергий является могучим соратником тех, кто обнажил меч в защиту справедливости, служит следующий факт. Образ «Видение Богоматери св. Сергию», обычно находившийся около мошей, сопровождал русские армии и полки в Полтавском сражении, в Отечественной войне 1812 г. и в других кампаниях. Обращая взоры к изображению наставника, вырастившего таких богатырей, как Пересвет и Ослябя, бомбардиры Петра и солдаты Кутузова ощущали душой невидимое содействие Преподобного и смело поражали неприятеля. Таким образом, бережно хранимая икона олицетворяла собой небесного патрона русского войска.

И вот, перелистав столько полных величия и драматизма страниц лучшей в мире истории нашего Отечества, что надлежит заключить русскому человеку вообще и верующему в особенности? Ведь в том, что размышление и благоговение воспроизводят перед любым из нас, нет ничего предвзятого и искусственного. Остается притти к неизбежному выводу, что эта гробница составляет неотъемлемую часть нашей истории, что этот гроб имеет многие основания называться хранителем русской земли. Православный же человек обязательно доведет ту линию событий, по которой продвигалась его мысль, до необходимого логического ее завершения. Именно, до убеждения в том, что изумительные подвиги нашего воинства и всего населения в Великой Отечественной войне, на четыре с лишним года нарушившей мирный труд советских людей — эти небывалые и восхитившие весь мир победы одержаны Родиной не без помощи Божией, не без помощи Преподобного Сергия, который не забудет и впредь «посещать чад своих» в трудную годину.

Но не только цари и полководцы молились у гроба Преподобного и поверяли ему свои помыслы и надежды, — не одни лишь Патриархи Востока, каждое посещение которыми Руси бывало весьма благотворным для развития нашей Православной Церкви, спешили в приснославную обитель. Тысячи безвестных людей, чьи имена живут недолго после их носителей, поклонялись останкам великого подвижника, множество молящихся припадает к ним теперь, и, можно не сомневаться в этом, всегда будут идти паломники к «Сергию-Троице», как зовется в просторечьи Свято-Троицкая Сергиева Лавра.

Если бы кто-нибудь поинтересовался опросить богомольцев, что привело их под своды старого собора, хранящего ковчег с мощами, то вопрошающий убедился бы, как много хороших древних обычаев сохраняется в среде верующих. Принято исстари просить Преподобного Сергия помочь отстающему в обучении от сверстников ребенку, ибо памятуя чтущие святого, что сам отрок Варфоломей всегда сопровождал учение горячей молитвой и с молитвою постигнул многое. Возносятся к смиренному Сергию благодарственные молитвы тех, чьи родственники и близкие сохранены невредимыми на поле брани, ибо знают, что сам Преподобный благословил оружие, воздвигнутое против полчищ Мамай, несших Руси новое разорение и поругание. С самыми разнообразными прошениями, с какими принято обращаться к угодникам, идут к тому, кто неустанно заботился о ближнем, совершенно забывая о себе. Ни-

какому психологу и знатоку человеческого сердца не удалось бы охватить все содержание и оттенки этих обращений. Поэтому стоит только восхищаться, видя, какую силу и постоянство имеет вера православно-го человека в Преподобного Сергия, в его снисходительность к людским немощам, в действенность его ходатайства за всех просящих.

Солнечные лучи освещают в течение долгого летнего дня все уголки собора. Поутру они льются сквозь узкие окна алтаря и словно зажигают узоры на облачениях и воздухах, а к вечеру, скользя по стволам старых лип, как бы тают в воздухе. Попрежнему теплятся лампы, горят свечи, и чередой прикладываются люди к мошам, прикладываются до тех пор, пока не отойдет всеношная и двери храма не закроются до следующего утра. А завтра явятся новые богомольцы; среди них будут и здешние поселенцы, приедут с поездами жители столицы и окрестных мест.

Когда паломник¹ покидает Лавру и уже отошел от нее на значительное расстояние, его неудержимо влечет оглянуться еще и еще; вот уже скрылись из глаз монументальные главы Успенского собора, и только вершина монастырской колокольни точно плывет над деревьями и остальными предметами.

Г. ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

¹ Иногда приходится встречаться с недоумением такого рода: возможно ли в наши дни паломничество в том виде, как оно совершалось прежде? Такое недоумение возникает у лиц, не понимающих, что в разные времена паломничество неизбежно должно принимать и различные формы. Если в прошлом имело место хождение в Лавру пешком и такое путешествие занимало трое-четверо суток, а сейчас до Троице-Сергиева монастыря можно добраться по железной дороге менее чем за два часа, то нет никаких оснований утверждать, что от этого умаляется возвышенная цель паломничества.

СВ. ИОНА, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ

К половине XV века во внешнем положении Русской Церкви и в религиозном сознании русского народа произошли важные и глубокие изменения. Несмотря на обширность своей территории и многочисленность паствы, русская митрополия до половины XV века находилась в непосредственном управлении Константинопольской патриархии, была одной из ее митрополий. Международные события XV века привели к тому, что не только на Руси, но и за ее пределами выросло убеждение, что центр земного христианства переместился из Константинополя в Москву, как в свое время (в IV веке н. э.) он переместился из Рима в Константинополь. Эта мысль о Москве, как о Третьем Риме, была впервые высказана на Москве в 1492 году и в дальнейшем развилась в законченную теорию о преемственной связи между тремя мировыми государствами, последовательно передававшими значение христианского центра от одного к другому. Такое понимание церковно-исторического значения Москвы стало достоянием не только узкого круга московских книжников, но и широких народных масс, о чем свидетельствуют, например, сказания и песни, записанные в 1619—20-х годах на нашем крайнем Севере английским ученым Ричардом Джемсом. В одной из этих песен голос свыше возвещает всем врагам Московского государства, что «в Москве-то три святителя молят Бога за весь вольный свет, а опришно трех святителей с ними семьдесят апостолов». Этими святителями, предстательствующими перед Богом за весь вольный свет, по представлению упомянутых выше сказаний, являются святые митрополиты: Петр, Алексий и Иона, основоположники великого значения Московской первосвятительской кафедры, а окружающие их семьдесят апостолов знаменуют сонм прославленных святых Русской Церкви. И действительно, св. митрополит Петр заложил основание Московской кафедры, св. митрополит Алексий укрепил ее и поднял на более высокую ступень, св. митрополит Иона довершил независимость Русской Церкви, создав ей самостоятельное положение относительно Константинопольского патриархата.

Митрополит Иона родился в 90-х годах XIV века, близ г. Солигалича, в семье служилого землевладельца Федора Одноуша. Двенадцатилетним мальчиком он поступил в Галичский монастырь, из которого через несколько лет перешел в Москву, в Симонов монастырь. Здесь молодой инок наталкивался иногда на факты нарушения монашеского устава и с прямолинейностью молодости порицал эти явления, за что принял от старших, в частности от архимандрита, многую скорбь и печаль. Тем не менее выдающаяся ревность к монашеским подвигам, глубокий ум, строгое и непорочное житие выдвинули талантливого инока на вид перед всеми, и в 1430 году, около 40 лет от роду, он был поставлен

епископом рязанским и муромским. И почти сразу же вновь посвященному епископу пришлось возглавить управление Русскою Церковью. 1 июля 1431 года скончался митрополит Фотий, и преемником ему был наречен епископ Иона.

Первым актом нареченного митрополита Ионы было торжественное прославление и причисление к лику святых митрополита Алексия. В начале 1431 года в Чудовом монастыре обрушился верх церкви, где поконилось тело митрополита Алексия. При постройке нового здания мощи св. митрополита Алексия были подняты из земли и внесены во вновь отстроенный храм. Пермскому епископу Питириму было поручено написать житие и службу святителю Алексию, и после соборного одобрения текста службы ему было установлено празднование дважды в год: 12 февраля, в день преставления, и 20 мая, в день обретения его мощей.

Выше мы говорили, что св. Иона был завершителем дела своих святых предшественников, митрополитов Петра и Алексия. Преемственность его линий сказывалась даже в частности. Митрополиту Алексию приходилось много потратить сил и дипломатического искусства в борьбе с суздальско-нижегородскими князьями, оспаривавшими у Москвы великое княжение Владимирское. Образовавшееся в 1330 году Суздальско-Нижегородское княжество представляло собою одно из самых богатых русских княжеств, оно составилось из суздальско-шуйской половины, представлявшей старинное ядро Суздальской земли, и половины нижегородско-городецкой, выделенной из великого княжества Владимирского ханом Узбеком суздальскому князю Александру Васильевичу за участие в подавлении тверского восстания 1327 года. Суздальско-Нижегородское княжество находилось в тесном политическом контакте с соседними удельными княжествами — Стародубским и Галицким.

Этот союз трех княжеств, поддерживаемый извне литовским великим князем, в 1363 году был разгромлен правительством митрополита Алексия, в малолетство великого князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского). Московские войска заняли Стародуб на Клязьме и Галич, а изгнанные князья отъехали из своих вотчин в Нижний-Новгород, «сгорбящие о княжениях своих» (Никоновская летопись, IV, 5). Чтобы воздействовать на суздальско-нижегородских князей, митрополит Алексий командировал в Нижний-Новгород преподобного Сергия Радонежского, дав ему полномочия наложить на княжество интердикт, затворить церкви, приостановить совершение богослужения. В Галиче была посажена ветвь великокняжеского дома в лице сына Дмитрия Донского, Юрия, и его сыновей, Дмитрия Шемяки, Василия Косого и Дмитрия Красного. Эта группа князей продолжала традиционную политику союза Галича с Суздаlem, несмотря на свое близкое родство с великим князем Московским. В 1423 году великим князем суздальско-нижегородским вторично сделался, при поддержке казанского хана Улу-Магомета, Даниил Борисович, старший сын Бориса Константиновича. В 1432 году московские войска изгнали его с его вотчины, и 1433 год можно в основном считать годом присоединения к Москве Суздальско-Нижегородского княжества¹.

¹ В нашей исторической науке до сих пор не изжито неправильное представление, будто Суздальско-Нижегородское княжество присоединено к Москве в 1392 году. Этому решительно противостоят дошедшие грамоты и договоры суздальско-нижегородских князей, их подтвердительные надписи на грамотах, наконец, суздальские и нижегородские монеты первой половины XV века.

Нареченный митрополит Иона отправил по этому поводу в Нижний-Новгород послание с много говорящим эпитафием: «Не в словеси есть царствие Божие, но в силе»¹, желая этим сказать, что распри между князьями разрешаются не ссылками на отжившие нормы удельного права, а силою вещей нового порядка, создававшего вокруг Москвы единое Русское государство с великим будущим. Не господство силы вопреки правде утверждало послание митрополита Ионы, но то бесспорное для всякого верующего убеждение, что события человеческой жизни не случайны, а совершаются силою и волею Божиею.

Все эти дела и хлопоты, а также события 1434 года, в течение которого великий князь Василий Васильевич дважды терял свой престол, послужили причиной тому, что нареченный митрополит Иона отправился в Константинополь лишь в конце 1435 года и, когда он прибыл туда в начале 1436 года, там уже был поставлен на московскую митрополию свой кандидат — митрополит Исидор.

Кандидатура Исидора была выдвинута греками ввиду предстоявшего собора о соединении церквей. Теснимые турками, греки начинали видеть свое спасение в союзе с Римским папой и католическими государствами Европы, и с этой точки зрения им было очень важно иметь делегатом от Москвы сторонника унии, а на митрополита из русских греки не могли полагаться. Епископ Иона возвратился в Москву в свите вновь назначенного митрополита Исидора. Они прибыли в Москву 2 апреля 1437 года, а 8 сентября того же года Исидор двинулся в Италию на собор о соединении церквей греко-православной и римско-католической. Св. Иона не поехал на собор, хотя при его положении в русской церкви ему естественнее всего было поехать. Не поехал он потому, что этого не хотел митрополит Исидор, видя в рязанском епископе большой и самостоятельный ум, глубокий русский патриотизм, твердые православные убеждения. Не хотел схватить и сам епископ Иона, ибо видел, что соединение церквей при данных обстоятельствах может состояться только на условиях отречения греков от восточных учений и обычаев. Из русских иерархов на собор в Феррару, а затем во Флоренцию, поехал суздальский епископ Авраамий со своей свитой иеромонахов, дьяков и служилых людей, да архимандрит Вассиан; делегацию дополняла тверская группа во главе с боярином Фомой. На соборе Исидор был главным проводником и организатором унии, которая была оформлена актом 5 июля 1439 года. Удовлетворением дышит его подпись под соединительным актом: «С любовию соглашаюсь и одобряя подписуюсь». Подпись Суздальского епископа Авраамия, наоборот, звучит грустным сознанием вынужденного согласия: «Смиранный епископ Авраамий суздальский подписуюсь». Известно, что он просидел под арестом целую неделю, прежде чем согласился дать свою подпись².

С собора русская делегация, насчитывавшая с обслуживавшим персоналом более 100 человек, приехала домой не одновременно. В. г. Будине (Будапеште) она разделилась: Авраамий суздальский поехал вперед и приехал в Москву 19 сентября 1440 г., а 29 сентября того же года был уже у себя в Суздале³. Исидор же со своими служебни-

¹ Акты исторические, т. I, № 37, стр. 30.

² Подлинные подписи неоднократно были исследованы русскими учеными, в частности проф. Моск. университета С. П. Шевыревым. Епископ Авраамий подписал свое имя с итальянским окончанием.

³ См. в рукописном отделе Ленинской библиотеки рукопись № 939, содержащую путевые записи одного из участников поездки; по мнению проф. А. С. Павлова и Теодора Фромманна, это записки самого еп. Авраамия, но не иеромонаха Симеона, автора «Повести о VIII Вселенском соборе». Еще более оснований полагать, что путевые записки были сделаны дьяками-секретарями суздальского епископа.

ками направился в Киев, пробыл полгода в Литве и только 19 марта 1441 года прибыл в Москву. Он въехал в Кремль с преднесением креста и трех жезлов, в качестве папского легата и кардинала, прошел в Успенский собор и начал литургию, за которой в положенных местах поминал Римского папу. По окончании литургии протодьякон с амвона прочитал акт о соединении церквей. Св. Иона использовал полугоди́чный срок отсутствия Исидора, чтобы приготовить отпор его новшества́м. Три дня в московских церквях поминалось имя папы, а на четвертый великий князь Василий Васильевич приказал взять Исидора под стражу и созвал собор под председательством епископа Ионы. Собор предложил Исидору покаяться и отложить латинские новшества. Исидор отвечал отказом. Его предупредили, что в случае упорства, к нему применят самые суровые меры.

Просидев под стражей полгода и не чая для себя ничего доброго, Исидор ночью 15 сентября 1441 года «исшед бездверием», то-есть, выпрыгнул в окошко и бежал — сначала в Тверь, а затем в Литву и Рим. Епископ рязанский и муромский Иона снова вступил в управление митрополией.

Вновь нареченный митрополит, приняв управление, избегал открытого и формального разрыва с Константинополем, хотя там в это время и патриарх (Митрофан) и император (Иоанн Палеолог) были униаты. На просьбу о разрешении поставить в Москве нового митрополита собором русских епископов император и патриарх ответили отрицательно. Приходилось ждать момента, когда обстоятельства сложатся более благоприятно. Этот момент наступил довольно скоро, ибо вокруг византийской столицы все туже сжималось кольцо турецкой блокады. Но и для Москвы 1442—1448 годы были очень тяжелыми. В 1442 году повторилась вспышка феодальных притязаний суздальских князей. Василий и Федор Юрьевич Шуйские (сын Василия Дмитриевича Кирдяпы Юрий стал называться Шуйским, и с этого времени суздальско-нижегородские князья стали называться Шуйскими), опираясь на союз с галицким князем Дмитрием Шемякой и казанским ханом Улу-Магометом, снова подняли оружие против Москвы. Коалиция князей и казанских царевичей (Мамутека и Ягу́па) нанесла московскому войску жестокое поражение в июле 1445 года под Суздалем, у стен Спасо-Евфимиева монастыря. Сам великий князь Василий Васильевич был взят татарами в плен и отпущен лишь за огромный выкуп. Сумму выкупа разложили на плечи народа, а это вызвало среди населения глубокое недовольство. Общим смятением в стране воспользовались враги московского князя во главе с Дмитрием Шемякой. В феврале 1446 года они захватили Василия Васильевича в Троице-Сергиевом монастыре и ослепили, а Москву занял Дмитрий Шемяка. Во всех этих событиях нареченному митрополиту пришлось принимать близкое участие на стороне московского князя. Лишь 17 февраля 1447 года Василий Васильевич вернулся в Москву, а в декабре 1448 года Освященный Собор избрал и 15 декабря поставил на Московскую митрополию, без обращения в Константинополь, св. Иону, фактически руководившего делами Русской Церкви с 1431 года. Летописец записал так этот великий момент начала русской автокефалии: «Совершается приношение божественных служб и возлагается на плещо его честный омофор, и посох великий митрополи́чь дается руке его, и тако с благобоязненством совершает святую службу и благословляет народы» (2-я Софийская летопись).

Положение вновь поставленного митрополита было очень трудным. Извне угрожал Исидор, поддерживаемый папой и константинопольски-

ми униатскими властями, а с другой стороны, свои московские ревнители суеверно боялись принимать новый порядок и отказывались даже принимать благословение у нового митрополита. В числе протестовавших были люди весьма уважаемые и почитаемые за строгую жизнь, как, например, Пафнутий Боровский, боярин Василий Кутуз и другие. Тем тяжелее и досаднее было их сопротивление митрополиту Ионе. Они «почасту приходяху к святителю и глаголаху ему суетная не гладостно и не подобательно», то-есть представляли свои возражения и сомнения в резкой, оскорбительной форме и тем вынуждали святителя к решительным мерам воздействия.

Митрополит Иона все свои усилия направил на борьбу с центробежными силами в русской церкви и государстве, а таковых было тогда всюду немало: половина русских епархий находилась за границей, в пределах Польши — Литвы; Вятка, Новгород, Псков проявляли упорное стремление к независимости от Москвы. Митрополит Иона не переставал своими грамотами и лично призывать русских людей к единству, к собиранию вокруг одного центра, Москвы. Между тем (31 октября 1448 г.) умер император униат Иоанн Палеолог и престол занял его брат Константин, противник унии. Он низложил патриарха униата Григория Мамму, поставленного после смерти Митрофана. Русское правительство было намерено сообщить в Константинополь о происшедших на Руси изменениях, и в июле 1452 года была написана соответствующая грамота. Но она не была отправлена, ибо 29 мая 1453 года Константинополь пал, взятый турками, и Второй Рим закончил свое тысячелетнее существование.

Мысль о Москве, как о Третьем Риме, все чаще и чаще стала высказываться в православном мире. Выше отмечено, что митрополит Иона считал важнейшей своей задачей удержать за Москвой заграничные русские епископии, находившиеся в пределах Польши—Литвы, и ему удалось склонить польского короля и литовского князя Казимира к передаче Киева и всех русских областей в Литве под власть московского митрополита. Только Галиция осталась в ведении Исидора, ибо была завоевана польским королем Казимиром III и потому считалась принадлежащей к Польше. 10 лет управлял св. Иона литовскими епархиями наряду с московскими. В 1458 году папа Каллист III добился от короля Казимира IV отделения русских епархий в пределах Литвы из-под власти московской митрополии и направил в них митрополита Галицийского, униата Григория, а великого зачинателя русской автокефалии, митрополита Иону объявлял «нечестивым узурпатором». Истинное величие духа, подлинное «совершеннолетие по уму», по слову Апостола (1 Коринф. XIV, 20) проявлял святитель Иона перед лицом всех трудностей. Он не только не отступил перед наседавшими на него враждебными силами, тянувшими Русскую Церковь назад, к ее прежнему подчиненному положению, но не устал писать в Литву послания и грамоты окружным и отдельным влиятельным лицам, с призывом оставаться верными православию и поддерживать отношения с Москвой. Условия, созданные униатским митрополитом Григорием и польско-литовской властью, заставляли многих русских православных людей покидать Литву и бежать в Москву. С русско-литовским епископом св. Иона не прекращал идейно-нравственной связи. С особенной любовью относился к св. Ионе Чернигово-брянский Владыка Евфимий. В 1464 году, уже после кончины митрополита Ионы, он бежал из Литвы и был назначен епископом в Суздаль. То же сделал и преемник Евфимия по Чернигово-брянской кафедре епископ Феодор: он также был назначен в Суздаль после кончины епископа Евфимия. Мощи епископа Феодора почивают в

Суздальском соборе. Древнее житие называет его «столпом православия» († 1485 г.).

30 лет стоял св. Иона у кормила Русской Церкви, охраняя ее независимость и в то же время оберегая ее древние установления. Именно его память особенно чтит и чтут наши старообрядцы. Рукой мощей св. Ионы они хотели посвятить себе епископа в 1765 году, когда изыскивали способы создать себе наиболее авторитетную иерархию. Митрополит Иона скончался 31 марта 1461 года. В самый год его кончины ему была уже написана служба (известным агиобиографом Пахомием Сербом), через 11 лет, в 1472 году, были открыты его мощи и установилось местное празднование в Успенском соборе.

В 1547 году митрополит Иона был причислен к лику святых, и ему было установлено торжественное общецерковное празднование. Вскоре после кончины св. Ионы разрозненные русские земли соединились в одно государство, в следующем столетии оно переросло рамки одной национальности, в XVII веке границы его протянулись до Великого океана, в XVIII и XIX столетии оно упрочило свое мировое значение. События нашего времени подняли Русское государство еще выше. Святое и приснопамятное имя митрополита Ионы будет сиять не только для всей Руси, но и для всего православного человечества.

=

И. С.

ВЕЛИКИЙ БЛАГОВЕСТНИК XVIII ВЕКА СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН ЗАДОНСКИЙ

(К 85-летию его прославления, 13 авг. 1861 г. — 13 авг. 1946 г.)

Едва ли какому другому из великих русских святителей была посвящена столь обширная литература как св. Тихону Задонскому. Больше половины ее составляют жития святителя. Почти в каждой приходской церковной библиотечке найдется одна из многочисленных книжек или статей, описывающих земной житейский путь Тихона.

Поэтому мы ограничиваемся наикратчайшим напоминанием основных сведений из жизни святителя. Это оправдывается тем, что все, вышедшие в свет жития, почти буквально повторяют и, в лучших случаях, пересказывают друг друга. Даже поверхностное исследование показывает, что источниками для сотен авторов были всего три работы: 1) «Полное описание жизни Преосвященного Тихона» Митрополита Евгения (Болховитинова), 2) Записки бывшего келейника Тихона Ивана Ефимова и 3) Записки другого его келейника — Василия Чеботарева.

Лишь немногие авторы (и более других — священник, ныне профессор, Т. Попов) частично привлекли архивные материалы Воронежской Духовной консистории и Св. Синода.

Основные же вехи биографии св. Тихона таковы: родился он в 1724 году в семье деревенского дьячка села Корюк, Валдайского уезда, Новгородской губернии. Едва переживши грудной возраст, он лишился отца и вместе с тремя братьями и двумя сестрами остался на попечении матери — почти нищенки.

В раннем детстве будущему святителю приходилось батрачить у деревенских богачей буквально за кусок хлеба.

Жуткая нужда не покидала юного Тимофея (мирское имя Тихона) и в годы его учения в школе при архиерейском доме, а затем и в Новгородской семинарии. Легче стало, когда он за отличные успехи попал на казенное содержание: бесплатно получал хлеб и кипяток. «Бывало, — рассказывал после святитель, — когда получу казенный хлеб, то из одной половины оставляю на продовольствие себе, а другую половину продаю и куплю свечку и с одной сяду за печкой и читаю книгу».

Успехи в его учении были столь велики, что он, еще будучи студентом богословского класса, был назначен преподавателем греческого языка в той же семинарии. По окончании же курса он в том же году получил кафедру риторики.

10 апреля 1758 г. Тимофей, выполняя свое давнее душевное стремле-

ние, принял иноческий постриг, с наречением ему имени Тихона. После прохождения должностей префекта Новгородской семинарии, ректора Тверской семинарии, архимандрита Отроча монастыря, 13 мая 1761 г. он был хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии.

На сороковом году жизни, в феврале 1763 г., Преосвященный Тихон был назначен правящим епископом одной из обширнейших епархий империи — Воронежской; епархии обширной, в церковном отношении неблагоустроенной, с массой раскольников и слабо просвещенного приходского духовенства.

Одно из первых мероприятий всякого истинного иерарха — подготовка новых поколений священнослужителей. С этого и начал св. Тихон. Заставши местную семинарию на грани «мерзости запустения» — с небольшой кучкой учеников, ... одним учителем, совершенно без средств, святитель сначала свернул семинарию в «славянскую школу», открыл пригоспительные училища в городах Ельце и Черкасске, а затем, в течение двух лет создавши твердую материальную базу, открыл семинарию наново, обеспечил ее высококвалифицированными преподавателями, приглашенными из Киева и Харькова.

Своими архипастырскими посланиями, инструкциями и письмами он внес неоценимый вклад в дело повышения образовательного и нравственного уровня приходского духовенства.

Настоящий нерукотворный памятник воздвиг себе святитель религиозно-просветительной работой среди паствы. Его современники единодушно свидетельствуют о громадном нравственном влиянии св. Тихона на все стороны и проявления воронежской общественной и культурной жизни и быта граждан Воронежа.

От самой юности св. Тихона тянуло к уединенной иноческой жизни. Отдавшись со всем пылом боговдохновенного христианина многосложным и многочисленным епархиальным делам, он расшатал свое физическое здоровье: все чаще стали появляться и нервные, и сердечные припадки, самые незначительные простуды давали тяжелые осложнения. В высшей степени требовательный и даже, можно сказать, беспощадный к себе святитель не считал себя вправе занимать епископскую кафедру из-за опасения возможности хотя бы малейших упущений по службе, могущих быть вызванными его болезненным состоянием. По его настойчивому и категорическому требованию он в декабре 1767 г., т. е. всего на сорок четвертом году жизни, получил разрешение удалиться на покой.

Святитель удалился в Толгиевский монастырь, откуда вскоре из-за неблагоприятной климатической обстановки переехал в Задонский монастырь, в котором и прожил до смерти.

Там здоровье его, действительно, несколько окрепло.

«Задонский период» жизни св. Тихона — плодотворнейший в его деятельности и в области иноческого подвижничества, и в широчайшей благотворительной деятельности, и в церковно-проповеднической работе, и особенно — в области благовествования — церковно литературной деятельности, о которой расскажем ниже. Пока же отметим, что его вдохновенные литературные труды вполне стоят на уровне свято-отеческих творений.

Еще при жизни Преосвященный Тихон прославил себя подвигами святости и прозорливости.

Летом 1782 г. его постиг паралич левой стороны тела, а 13 августа следующего, 1783 года, он окончил свой земной путь.

В 1845 г. были обнаружены нетленными его мощи. 13 августа 1861 г.

они были торжественно открыты для молящихся; святитель же Тихон был сопричислен к лику святых Православной Церкви с установлением дня памяти ему того же 13 августа.

**
*

Описать в кратком очерке личную подвижническую жизнь святителя Тихона мы не в состоянии.

Свою задачу мы ограничиваем рассмотрением некоторых произведений святителя, притом — не всех. Очень спорен вопрос: что считать основными из многочисленных трудов великого святителя. Серьезный и внимательный исследователь проф. Т. Д. Попов делит творчество св. Тихона на две группы:

а) памятники случайного происхождения, относя к ним резолюции, послания, инструкции, указы, проповеди, письма, молитвенные импровизации и т. п., и б) памятники, посвященные задачам и целям общего христианского нравоучения, к каковым глубокоуважаемый collega относит нравоучительные сборники самостоятельных, отрывочных и разбросанных статей, краткие сочинения по вопросам морали и сочинение «Об истинном христианстве» (как синтез и резюме его оригинального творчества).

Почтенный автор устанавливает и хронологические рамки этих групп, относя основную массу первой к периоду святительской деятельности св. Тихона, второй — к периоду пребывания его на покое в Задонском монастыре.

Такая классификация, конечно, является условной. «Случайность» или неслучайность, причинность или поводы появления в свет тех или иных произведений сами по себе не определяют ни характера произведений, ни их значения. Например, молитвенные импровизации с равным основанием могут быть отнесены ко второй группе. Точно так же многие, многие такого рода «случайные» документы, как письма св. Тихона, адресованные отдельным лицам затрагивают и вопросы общего нравоучения.

С другой стороны, даже такое капитальное произведение Св. Тихона, как «Сокровище духовное, от мира собираемое», может быть отнесено к «случайным» трудам, ибо оно представляет соединение 157 статей (не очень строго систематизированных), подавляющее большинство которых возникло из «случайных», по разным поводам размышлений во время прогулок преосвященного по двору и саду Задонского монастыря. Так что не в этом дело.

Капитальнейшие труды святителя «Об истинном христианстве» и «Сокровище духовное» до сих пор являются драгоценными пособиями для всякого епископа, иерея, студента-академиста и семинариста и для интеллигентного, истинно православно настроенного мирянина. «Книга сия», — писал о первой из указанных книг Митрополит Евгений (Болховитинов), — есть не только достаточная библиотека для всех, желающих заниматься здравым христианским нравоучением, но и для тех, кои хотят быть подлинными христианами, а не метафизическими проповедниками евангельского учения» («Полное описание жития Преосв. Тихона», изд. 1836 г., стр. 61).

Такое же значение, включая и методическо-проповедническое имеет и сборник «Сокровище духовное, от мира собираемое». Оригинально построена вступительная часть статей. Не давая здесь подробной характеристики сборника, мы хотели бы сказать практикам-пастырям, что прежде использования статей «Сокровища» для проповедей (а такое

использование совершенно необходимо, ибо большинство статей имеет непреходящее воспитательное значение), необходимо проштудировать весь сборник в целом и в практических целях (т. е. для себя) пересоставить заглавия статей.

Основное внимание читателя нам хотелось бы обратить на те произведения св. Тихона, которые, во-первых, имеют животрепещущее значение для архипастырской и пастырской практики наших дней, во-вторых, могут служить без каких бы то ни было изменений делу воспитания в истинно православном духе широких слоев рядовых верующих патриотов нашей великой Родины в условиях наших дней.

При подборе священнослужителей и служебной аттестации уже священнодействующих он предъявлял ряд требований нравственного характера, как это видно из его многочисленных служебных резолюций. «Не бийца» (т. е. не драчун. Н. В.), «в воровстве и обманстве не уличенный», «добрый человек», «в домостроении своем не ленивый», «не любодейца», «не клеветник», «не пьяница», «не сварлив», — таков был минимальный, исходный круг требований преосвященного к иерею. Бесконечно добрый по характеру Владыка Тихон был суров к нерадивым. Правда, он почти никогда не прибегал к монастырскому репрессированию, прежде чем не применял таких мер, как личное увещевание провинившегося, оглашения ему порицания в присутствии всего городского или сельского окрестного духовенства и т. п.

Заботился и о том, чтобы невинные члены семьи наказанного не пострадали от нужды.

Сохранился ряд документов, ярко характеризующих заботу святителя не только об открытии в городах епархии «словенских» школ грамоты для детей, но и о правильной педагогической постановке работы учителей. Одним из первых в России, св. Тихон говорит о том, что в этих школах нужно «обучать не токмо грамоты, но и честного жития», т. е. проводить воспитательную работу.

«Инструкции» приходским священнослужителям разъясняют иереям необходимость благоговейного отношения к выполнению всех треб, говорят о недопустимости механического отношения к проведению исповедей, браков и т. д.

Если упомянутые нами выше две капитальные работы св. Тихона дают нам основания считать его одним из основоположников нравственного богословия в России, то труд его: «О должностях пресвитеров приходских» именно такая книга, которая, как настольное пособие для пастырей, звучит необыкновенно свежо и в наши дни.

«Четыре должности (т. е. основных пастырских обязанности. Н. В.) суть, которые исполнять прилежно обязаны пресвитеры», — этими словами открывается замечательная книга свт. Тихона. «Первая — проповедовать слово Божие... и тем прихожан своих приводить в познание веры, и к житию честному христианскому... Вторая — препровождать житие, согласное учению Евангельскому и тем представлять себя примером... быти не гневливу, не пьянице, не бийце, не скверноязычательну, но страннолюбиву, благолюбцу... воздержательну, держащемуся верному словесе по учению. Третья — строение Таин Божьих..., чтобы верующих во Христа Господа утвердить в вере и святом житии. Четвертая — молитва ко Богу... без нее они ни проповедовать... ниже богоугодно священнодействовать не могут».

Это, конечно, выраженная в талантливой форме золотая азбука священнослужителя Православной Церкви.

В соответствии с этим, великий святитель делит книгу на четыре больших главы.

1. Об учении прихожан. Конечно, эта область пастырской деятельности является основной, и об этом ни на один момент не должен забывать современный священнослужитель. «Этот долг есть первый, — учит св. Тихон, — невозможно, чтобы учение не было пред тайнодействиями первейшим: Тайны бо, без веры Тому, Который Тайну приемлет, ничто же пользует». «Не просто истязует Господь должность сию от пастырей, — напоминает святитель, — дабы люди Божии учили, но под жестоким прещением, под взысканием крови погибающих от рук пастырей, под казнию самых жесточайших мук, определенных нерадивым рабам и домостроителям их».

Изложив и охарактеризовав книги Св. Писания, Свято-отеческие творения и св. предания, святитель переходит к формам, методам («видам») и целям поучений.

Пять «видов» рекомендует святитель.

Первый: «памятовать должен (иерей), чтоб не отяготить их (непросвещенных прихожан) высокими и неудобопонятными богословскими рассуждениями... а ясным и кратким словом, подтверждая одним или двумя доводами от слова Божия: и дотоль от истолкования члена веры не отступать, доколе оный слушателями ясно не будет понят и устами правильно исповедан».

Для культурнейших «градских очищеннейшего ума и книги знающих прихожан», св. Тихон предлагает вместо формы вопросно-ответной беседы — проповеди, построенные по правилам гомилетики. Но при этом он сурово предостерегает от увлечения звонкой фразой за счет ее одухотворенной сущности. «Беречься должны проповедники, — внушает он, — чтобы труды их не были предметом похвал, славы, чести или иной какой корыстишки... Такой проповедник, — говорит он, — может по справедливости назваться прелюбодеем слова Божия, понеже... своим красноречием похвастань желает».

Второй — «противное, еретическое или безбожное, или суеверное учение изобличать». Боговдохновенный автор рекомендует работу с «еретичествующими» начинать индивидуальными беседами с каждым из них наедине, «показанием ему ясными и краткими доводами заблуждения его». Лишь при неуспешности этого и при угрозе дальнейшего отпадения пасомых — вести обличение в церкви «лица отнюдь не именуя, ниже малейшие приметы об нем делая... и без малейших ругательств, ибо сими противный не приводится в сознание, но горше ожесточается». Не прощается иерею уклонение от борьбы с ересями. Молчание в этом деле Тихон, словами блаженного Августина, расценивает, как постыдное бегство пастыря от своего стада вместо защиты овец от угрожающей им опасности.

Третий — «исправлять развращенно и беззаконно живущих». Великолепно аргументировав цитатами из Евангелиста Матфея, Иоанна Златоуста, Игнатия Богоносца и Блаженного Августина, Тихон поучает духовенство вести терпеливое обличение бытовых грехов, предваряя об осторожнейшем и тактичном подходе, строго различая прегрешения невольные от грехов разврата. От индивидуального обличения переходить к публичному в тех случаях, когда то или иное бытовое прегрешение заражает нескольких или многих лиц. При этом он рекомендует с амвона «не лице согрешающих обнажать, но мерзость и смрад» (самого греха).

Он дает важные указания о неослабной и терпеливой настойчивости в таких увещаниях (как одиночных, так и публичных), подобно хорошему врачу, который «не оставляет больного, доколе в нем хотя малейшая надежда живота есть».

Свт. Тихон называет убийцами овец своих тех пастырей, которые либо совсем обходят вопросы нравственной жизни своих прихожан, либо «гремят на убогих голько и худородных», а богатых и благородных ласкают или без надлежащего духовного наказания оставляют.

Четвертый — «Правоверных и честных в добродетельном житии представлять и утверждать». В данном случае забота пастыря — разъяснение и о сущности христианских добродетелей в конкретных условиях окружающей гражданской действительности и о конкретном содержании истины: «Вера без дел благих мертва есть».

Пятый — «утешать в скорбях духовных и телесных».

Закljučается эта часть книги потрясающими по силе цитатами из знаменитой главы 20-й Деяний Апостольских, которую, кстати сказать, мы советуем каждому иерею выучить наизусть.

II Об учении, которое должен священник народу делом. И эта часть представляет классический образец толкования Св. Писания и свято-отеческих учений в применении их к конкретным жизненным условиям.

«Врачу, исцелися сам», — говорит св. Тихон словами евангелиста Луки и аргументирует важность показа прихожанам христианских добродетелей собственным примером пастыря.

Далее, святитель дает характеристику качеств, которые в совокупности представляют нравственный облик пастыря, качеств, которые в себе пастырь обязан воспитать, если, конечно, они ему не присущи в полной мере с молодых лет. Никаких особенных требований, превышающих человеческие силы, святитель не ставит.

Эти требования таковы: непорочность, понимается как отсутствие таких жутких пороков, как убийство, любодеяние, воровство и т. п. «Единые жены муж», — выдвигается им, как одно из основных канонических правил. Свт. Тихон трактует этот канон не только по форме, но и по внутреннему существу, резко осуждая и внебрачное сожитие, приравнивая его к худой форме блуда. В условиях наших дней завет святителя звучит злободневно. Священник живет на глазах пастыря, как бы под прозрачным футляром и поэтому малейшие его погрешности в нравственно-половом отношении, легко раздуваемые недоброжелателями, могут бесповоротно скомпрометировать священника. Целомудрие св. Тихон трактует не примитивно (в виде физиологической девственности), а в соответствии с Отцами Церкви, как «целое мудрование, или целый разум, ничем не испорченный», как преодолевающий излишества и в похоти, и в пище, и в мыслях соблазнительных. Благоговение, понимаемое им как истовое богочитание и как внутреннее состояние, и как внешние выражения истовости и милосердия. Понятию честности преподобный автор дает оригинальное христианское толкование, как понятию «содержания того, что чину иерейскому прилично есть»: уклонение от разгульных пиршеств, непосещение картежных притонов и кошунственных гульбищ, скромность в одежде (которая, однако, не должна доходить до умышленного ношения «гнусных» одежд), недопустимость лукулловского стола и внешнего шика. Страннолюбие — это понятие выглядит у св. Тихона так, как бы оно было написано и для иереев сегодняшнего дня. Он имеет в виду не только представление пищи, ночлега и милостыни трудникам-странникам, но и внимательное выявление пастырем в своем приходе всех сырых, убогих, тяжко пострадавших материально, беспомощных и т. д., словом всех требующих внимания, призрения и помощи и организации дела помощи им, как лично со стороны иерея, так и со стороны поощряемых иереем к этому прихожан.

Учительность — внимательное изучение иереем и толковое чтение прихожанам, в первую очередь: книг Нового Завета, «Катехизических книжиц», творений Иоанна Златоуста, житий святых, церковной истории и т. п. А если уж сам иерей красноречием не обладает, то «пусть хоть жизнью своею красен будет», — говорит святитель, а объяснительные чтения поручит под своим руководством диакону или сведущему причетнику. Трезвость представлена как условие, нарушение которого влечет самые тяжкие духовные наказания.

«Быть не бийце и не сварливу». Свт. Тихон рекомендует самовоспитание в священнике выдержанности, искоренение чувства гнева «особливо... к тому же в вещи маловажной», порождающего и вспыльчивость и сварливость. Напротив, святитель всячески рекомендует воспитывать в себе кротость, понимаемую отнюдь не в смысле внешнего самоуничижения и лицемерного внешнего самобичевания. Автор осуждает, например, молчание иерея на клевету, возводимую на него, ибо такое молчание равносильно поощрению клевете. Он советует реабилитировать себя, но не затаивать злобы и горечи на обличенного клеветника. «А когда до суда дойдет, — говорит он, — то и там по законам чистосердечно, без всякой ябеды своего искать или невинность свою очистить стараться, и сие кротости не противно».

Быть «не скверностяжательну, не завистливу, не сребролюбцу».

Автор далек от мысли превращать иерея в подобие монаха нищенствующего ордена. Он напоминает о таких запрещенных апостольскими и соборными постановлениями для духовенства занятиях, как ростовщичество, корчемство, торговля с целью извлечения прибыли и т. п.; предостерегает от вымогательств и таксировок за требы и разъясняет, до каких печальных духовных последствий может довести неугашенное в иерее чувство сребролюбия.

Требование «свой дом добре правити, чада имети в послушании со всякою чистотою» предполагает правильное домостроение в качестве одного из средств показа христианской семьи на собственном примере. Образование детей и воспитание их в духе скромности, украшающей человека, сознание ответственности отца за нехорошие поступки детей, объясняемые пороками воспитания, нравственная жизнь и культурная линия поведения жены иерея — все это является в большой мере элементами, создающими авторитет пастыря.

Отсутствие «двоязычия», т. е. двуличности, склонности к оговорам — одно из элементарных требований к иерею. С особенной силой автор обрушивается на священнослужителей, непродуманно (а иногда, чего Господи упаси, — с корыстными целями) «сказывающих явления Божии, коих не бывало», а также поддерживающих суеверия, «ничем не отличные от волхвований».

Святитель предостерегает иереев от упоения успехами своей деятельности; таковые должны побуждать к еще более ревностному духовному деланию.

III. «Строение Таин Божиих». Не повторяя содержания «катехизических книжиц», Требников и Служебника, св. Тихон дает разъяснение требований к предварению и совершению Св. Таин.

Как священный, непреходящий и незыблемый для себя закон, должен помнить советы св. Тихона современный иерей: перед всякой Тайною рассказать всякому верующему ее значение, ибо «вера без знания (первых членов веры ко спасению нужных), а знание без проповеди не бывает». Пуще всего предостерегает св. Тихон против самомалейшей требовательности оплаты за совершения св. Таин: «туне приасте, туне

дадут», объясняя «если священник с причтом так убог будет, что к содержанию своему лишится нужных (средств), то может в другое время, кроме подаяния Таинств,... требовать от прихожан вспомоществования, по силе учения апостольского».

При Тайне Св. Крещения, святитель обязывает иерея удостовериться в знании восприемниками основных правил веры и в первую очередь — Символа Веры и наставлять восприемников в их обязанностях по религиозно-нравственному воспитанию крещаемого в дальнейшем. Обращающегося в Св. православие из иноверия или безбожия взрослого человека — любовно испытывать в правилах Веры. Далее святитель дает изложение канонов и правил касающихся: крещения иноверцев, миропомазания (вместо крещения) обращающихся в православие католиков, лютеран, кальвинистов и др. инославных христиан; об условиях, при которых разрешается крестить младенцев на дому, об обстоятельствах, позволяющих окрещение ребенка мирянином и пр.

При миропомазании, св. Тихон напоминает необходимость соблюдения существующих церковных правил.

Покаяние, по словам Святителя, «из всех прочих Таинодействий есть дело для священника наитруднейшее: требует бо особого искусства, осторожности и прилежности весьма великой». Отсюда, приступая к принятию покаяний, особенно в дни постов, священник обязан усерднейшей молитвой создавать у себя соответствующую высокую настроенность. В такие дни совершенно необходима энергичнейшая проповедническая деятельность и индивидуальные беседы по широкому и углубленному разъяснению прихожанам значения исповеди и покаяния. В частности, необходимо внушение о том, чтобы впавшие в тяжкий грех не ожидали времени, назначенного для массовой исповеди, что при покаянии согрешивший должен найти в себе мужество «не извинять себя, не истончать грехов своих притворным каким оправданием», что кающийся во грехах, порожденных стойкими вредными привычками, должен будет искоренять эти привычки, а прежде всего о том, чтобы перед приходом к покаянию мирянин действительно примирился со всеми, кто им вольно или невольно, делом, словом или мыслью обижен.

Вдохновенно и подробно рассказывает св. Тихон о благоговейном самоприготовлении священника к проведению Таинства Св. Причащения. Становится абсолютно ясным, что всем своим человеческим естеством священник должен тщательно усвоить то, что говорится об этом Таинстве и в Кормчей книге и в слове Иоанна Златоуста о блаженном Филогонии и в Деяниях Апостольских. Знание всего этого, на наш взгляд, решает вопрос об элементарном соответствии современного иерея своему сану и посту.

Мы не останавливаемся на объяснении св. Тихоном Таинства Священства, т. к. это — епископская прерогатива.

Гении переживают века. Это относится и к св. Тихону. Его слова о таинстве брака, если исключить 5—6 строк, кажутся архипастырским назиданием наших дней. Научить брачущихся истинным обязанностям супружества — задача иерея. Слово священника к венчающимся и перед венчанием и во время его должно быть посвящено и общехристианскому пониманию брака и взаимным обязанностям супругов о взаимном уважении, о всегдашней любви (не колеблемой ничем, включая тяжелые болезни и уродство одного из супругов), о воспитании детей (а не только о чадородстве), о благородном целомудрии в браке и т. д.

Не теряют и для наших дней своего животрепещущего значения и указания святителя на условия совершения таинства: выяснения об-

стоятельств, препятствующих церковному бракосочетанию (родство, возраст, совершенная взаимная добровольность, знание брачующимися Символа Веры и обязанностей по христианскому воспитанию детей и проч.).

IV. О молитве. Первая часть главы посвящена «молитве вообще, и что в ней надлежит знать и наблюдать». Вторая — молитве, как «должности священнической». На этой главе мы не остановимся, ввиду невозможности краткой ее передачи. Каждый священник обязан позаботиться об изучении этой главы в подлиннике, не жалея сил для труда по списыванию для себя копии с нее.

**
**

Если кратко охарактеризованная нами книга представляет неопценное пособие для пастырей, то другой труд св. Тихона: «Наставление о собственных всякого христианина должностях» имеет не меньшую ценность для рядового мирянина. Мы верим, что доживем до того дня, когда под штампом Священного Синода при Патриархе Московском и всея Руси мы увидим эту книгу переизданной с комментариями просвещенных богословов нашего времени.

Свт. Тихон был народным благовестником в широчайшем понятии, был он великим популяризатором христианских истин. В рассматриваемой нами книге святитель раскрывается, как проповедник и писатель, слог которого доступен пониманию самого малокультурного, простого человека даже в тех его произведениях, которые явно были адресованы социально-культурным верхам тогдашнего общества. В этой книге нельзя найти и десятка строк, о которых можно было бы сказать, что они «устарели» для нас, людей середины XX века, для современных нам в корне изменившихся социальных условий. Объем очерка вынуждает нас ограничиться цитацией лишь некоторых ее мест.

Один из лейт-мотивов христианских обязанностей — любовь к труду, как делу жизни и совести. «Кто в праздности живет — благословенным трубным гласом провозглашает книга св. Тихона — тот непрестанно грешит. От сего выключаясь немощные и престарелые люди, которые трудиться не могут». В богословской литературе мы не встречали более популярного определения понятию повиновения совести, чем Тихоново: «... что совесть непогрешительная возбраняет, то возбраняет и закон Божий... (Что закон Божий говорит) то езжде слышишь и в совести твоей».

В необычайно доходчивой форме автор учит вере и страху Божию, почитанию Бога, благодарению Его, поминанию имени Его при начале всякого дела, общему понятию о Таинствах и т. д. и основное внимание уделяет далее вопросам житейской нравственности. И в больших проблемах истинно христианского быта и в бытовых деталях, св. Тихон одинаково принципиален и величественно прост в их трактовке.

«Когда хочешь ясти или пити — говорит он — призывай имя Господне... думай, что ты добра Господа твоего хочешь вкушать и наслаждаться...» Но «... кто от похищения и неправды именование у себя имеет, тут клятва, а не благословение Божие... и имя Божие тут приывать не годится. Также же и тем, которые хотят упиваться, имя Божие к тому приывать не должно».

Обращаясь к мирянам богатым и зажиточным, св. Тихон пламенным словом предостерегает их и от безрассудного подражательства модам и от роскоши, которая и «душу христианскую отравляет», и заставляет «чужое похищать, людей обижать... и от подавания милостыни руку удерживает», и в то же время «сытости не знает и, как пучина, все добро пожирает. Ей все надобно и все переделывать хочет». Проповедь

скромности у св. Тихона не имеет, однако, ничего общего с пропагандой скаредности и наружной «тряпичности» кальвинистов и пуритан.

Поучая презрению к щегольству, он наставляет всякого «приличное своему званию одеяние иметь», напоминая, что для христианина основное одеяние — духовное, а не телесное.

Сам строгий аскет, святитель рядовым мирянам ставит гораздо более скромные требования. Он предостерегает верующих от слишком усердного посещения пиршеств и банкетов, на которых зачастую «трудно... быть и совести не уязвить». Его же слово против пьянства — этот вдохновенный, очень краткий (на трех страницах), убедительный трактат о последствиях пьянства и с психофизиологической, и с бытовой, и с семейно-материальной, и с социально-общественной точек зрения. Заключительная фраза: «пьянство есть самоизвольное беснование, откровение помышлений, посмеятельная беда, болезнь смеха достойная, демон добровольный и проч.», является выводом из убедительнейшего фактического материала. Святитель знает, насколько злокачественен в своем неприметном росте этот порок и дает ряд ценнейших христианских советов по искоренению его. Объяснительное чтение этого слова св. Тихона с амвона наших дней было бы совершенно незаменимой по содержанию вступительной речью иерея из цикла антиалкогольной (с православной точки зрения) пропаганды. А таковая, на наш взгляд, является одной из задач пастырской работы в условиях ближайших годов.

Святитель суров в обличении грехов, но он велик и в христианском утешении. «Не отчаивайся, как бы велики грехи ни были — искренним покаянием, твердой решимостью растоптать всякое намерение к повторению их ты получишь отпущение от Всемилосерднейшего Господа Бога».

Красочно доказывает Святитель необходимость и душеспасительность повсеместной и повседневной внутренней молитвы, как формы вызывания к Богу, мотивируя, что «молитва не в том, только состоит, чтобы стоять и кланяться телом перед Богом и молитвы написанные читать».

Прочтите слово св. Тихона «О гордости» и вы невольно забываете, что оно написано в конце XVIII века: до последней степени ясно и... современно представлены им, осуждаемые Церковью виды гордыни и чванства. «Гордый человек ищет чести, славы и похвалы... а (на препятствующих тому)... гневается и злобится»; «лишившись... начальствования — ропщет и хулит»; «везде и всякому хочет указывать, хотя и сам не знает, что делает»: «без стыда... возвышает свои заслуги»; «обличения и увещания крайне не любит»; «в словах и поступках надменность и пышность показывает» — разве это не для нас и не для наших дней написано?! Гордыне, св. Тихон противопоставляет христианское смирение, строго отличая его от фарисейского самоуничижения.

Блестящим христианским трудом является последний раздел книги: «о взаимной должности христианской». Укажем на наиболее актуально звучащие «слова» преподобного автора.

Начальник (в широком смысле слова), по словам св. Тихона, не должен искать себе сана, начальничества и чести: «Когда зовешься на честь и начальствование — рассуждай силы твоя... не всякий в начальстве может быть»; «надобно прежде научиться собою владеть и управлять... и самому научиться прежде делать, что хочешь другим приказывать»; «пеиися (прежде всего) о пользе общества, (учись) истину изыскивать, неправду искоренять... словом, промыслять об общей пользе», «мучения примут те начальники, кои зле свирепеют и неправду де-

лзют»; «понеже в христианах многие лживии суть, то не скоро верь (только) доносителю»; «в деле суда не знай ни друзей, ни врагов, ни знаемых, ни незнаемых:... ибо дело Божие творишь... Смотри убо на дела, а не на лица»; «когда словом наказуеши, берегись (слов): ты плут, ты мот, ты вор и проч.: сие есть ругание, а не наказание. Когда наказуеши, то наказуй, а не мучи»; «во гневе берегись наказывать, но пожди, пока гнев укротится»; «берегись подначальных твоих презирать»; «хотя вне (т. е. наружно. Н. В.) оказывать должен ты словом и делом сан твой и начальство твое, однако внутри себя помышляй, что ничем лучше от них».

Дальше святитель переходит к православной трактовке «должности подначальных». Исходя из догмы «нести власть, аще не от Бога; сущие же власти от Бога учинены суть», автор увещевает соблюдать строжайшую дисциплину по отношению к начальствующим, бороться с несправедливым охулением и оклеветанием их, безропотно принимать заслуженные наказания и т. п.

Предъявляя, как мы видим из разбора книги «О должностях пресвитеров приходских» разносторонние требования к пастырю, святитель в «слове» «О должностях пасомых к пастырям» поучает духовному повиновению пастырям, как Божиим посланниками. «Называешь ты его отцом — говорит Тихон, — добре: рождает он как всех так и тебя, не к временному, но к вечному животу». Не оставлять его в нужде и помогать всем жизненно необходимым убеждает Святитель: «кто о всех печется и промышляет, о том надобно и всем промышлять». Автор говорит о потоках клеветы, которой нередко окружают пастыря его недоброжелатели из числа обиженных его обличениями, и призывает к пресечению клеветы и созданию должного авторитета для успеха его многотрудной деятельности. В тех же случаях, когда в самом деле пастырь живет противно тому, чему сам же учит, св. Тихон советует внять голосу Христа: «елико аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите; по делом же их не творите».

Православная Церковь считает брачный союз одной из важных тайн. В «слове» св. Тихона «О должностях мужей и жен» отношение Церкви к брачному союзу изложено при всей краткости с такой исчерпанностью, что кривотолкам уже не может быть места. Ограждая всей силой церковных канонов совершенную добровольность брака (и ограждая вплоть до самых страшных кар священнослужителям, прикрывающим случаи принуждения одной из сторон к бракосочетанию), Церковь, в данном случае — устами св. Тихона призывает обе стороны к обоюдной любви и верности. И муж и жена должны на совершенно равноправных основаниях обличать и искоренять пороки друг друга. Легкомысленные разводы, в основе которых лежит стремление к блуду с другими лицами, духовно осуждаются Церковью. Со всей категоричностью подчеркивается, что жена является не рабыней, а подругой — помощницей мужа. В немощах они должны снисходить друг к другу. Церковь, устами св. Тихона резко осуждает жен, которые «к беззаконным делам мужей влекут». Основана православного брака — не страсть, а добродетельная, общественно- и религиозно-полезная жизнь.

Родители, как учит нас Церковь, должны не только плоти родить, но (что гораздо важнее) — родить детей и духовно, т. е. к вечной жизни и воспитать чада на житие доброе и на борьбу со злом. Как садовник, холя дерево, обрезывает негодные ветви, так и родители в интересах детей должны пресекать у них в самом зародыше вредные наносные навыки. Исключительно важное педагогическое значение св. Тихон придает личному примеру родителей.

В «слове» «О должности детей» святитель мотивирует безусловность повиновения детей родителям.

Освещение социально-этических проблем мы находим в «словах» «О должностях дающих займ и приемлющих в займ». С резким осуждением относится святитель и к ростовщикам и к случайным займодавцам, особенно за их стремление закабалить лихими процентами человека, впавшего в бедствие или острую нужду. С другой стороны он обличает и тех «приемлющих займ», которые ложно «прибедняются», чтобы оттянуть возвращение долга, или же недостаточно энергично стараются усердным трудом добыть средства для уплаты.

Эти же проблемы еще более рельефно освещены в «слове» его «О должности продающих». «Многие, продавая товар свой... купуют себе вечную погибель» — говорит святитель. Автор применяет санкцию нарушения заповеди «не укради» и аттестует клятвопреступниками, ворами и хищниками, которые в качестве таковых предстанут перед Вечным Судиею, тех торгашей и продавцов, которые: «продают гнилую вещь за здоровую, худую за добрую, немощную (искусно подкормленную) скотину за здоровую... куницу за соболя, хрусталь за алмаз... мешают воду в вино, и песок в соль» и требуют спекулятивно-большие цены.

В «должностях нанимающих и нанимающихся работать» (проповедь, произнесенная им в аудитории, по преимуществу купеческой) святитель прежде всего обрушивается, как на мздоимцев и хищников, совершающих «грех вопиющий и отмщения от Бога просящий» на тех предпринимателей, которые или нанимают впавших в нужду людей за непомерно низкую плату или под всякими предлогами обсчитывают и не додают договоренного. Для наших дней важно отметить призывы св. Тихона к честному труду и осуждение тех, которые стараются работать поменьше, а сорвать побольше.

К вопросу «об оскорбляемых и оскорбляющих», каковым заканчивается рассматриваемая нами книга, св. Тихон возвращается едва ли не во всех своих произведениях. И это не случайно: св. Тихон — великий христианский моралист и высокий гуманист в лучшем смысле слова. Взаимное уважение человеческого достоинства, ограждение людей бедных и бедных от оскорблений и насилий со стороны людей сановных и богатых, незлопамятность, как элемент облагораживающий человеческие взаимоотношения — все это было кровно близким свт. Тихону — моралисту. «Кто хочет Богу примириться — пишет св. Тихон — тому должно прежде с ближним своим примириться». «Сумел ближнего оскорбить (и обидеть) — сумей с ним и примириться — говорится далее — и не отлагай этого до утра; не знаешь бо, дождешься ли утешения». И еще далее — знаменательные строки: «мне ли, де, у того-то просить прощения (вкладывает св. Тихон слова в уста вельможи) — я благородный, а он подлый (т. е. стоящий неизмеримо ниже по социальной лестнице) человек?» «Но и он — отвечает Тихон — человек есть, как и ты. У Бога — праведного Судии — и благородный и подлый равны суть. Он как подлому благородного, так и благородному подлого оскорблять запретил, и суду его праведному и благородный и подлый — все предстанут».

Вечная память святителю Тихону в сердцах верующих обеспечена; не угаснет память о нем. Пусть же не угасает в сердце иереев Русской Православной Церкви стремление к изучению его творений и руководству советами его в пастырской деятельности.

НИКИТА ВОЛНЯНСКИЙ

ВИКТОР ВАСНЕЦОВ

(К 20-летию со дня его смерти)

Ровно 20 лет тому назад (23 июля 1926 г.) мировое, а в особенности наше национальное русское, искусство понесло большую утрату. В Москве в 10½ часов вечера скончался, краса и гордость русской живописи, Виктор Михайлович Васнецов. Имя его бесконечно мило и дорого всякому культурному русскому человеку. Васнецов открыл новую эпоху в истории нашей живописи; первый почувствовал, узнал и полюбил все величие и всю красоту нашей родной старины.

Наше православное духовенство имеет право гордиться Виктором Васнецовым еще более, т. к. он был выходец из духовной среды, был глубоко верующий человек — настоящий христианин (неверующий не мог бы написать такие вдохновенные лики Спасителя, Богоматери, святых угодников и т. д.).

Виктор Васнецов родился 15 мая 1848 г., в семье сельского священника в селе Лопиялы, Вятской губ.. С ранних лет будущего великого художника окружала величавая прекрасная северная природа, а в долгие зимние вечера он слушал чудесные сказки, предания седой старины, которые рассказывали ему и его братьям нянюшки. Таким образом все окружающее его послужило той благодарной почвой, на которой впоследствии так ярко расцвел васнецовский талант.

Отец художника, о. Михаил, был культурным человеком и старался сделать таковыми своих детей. Нужно сказать, что эта семья была на редкость талантливая: она подарила искусству двух больших мастеров живописи — Виктора и Аполлинария, известного пейзажиста и художника старой Москвы. Кроме них было еще 4 брата, из которых Николай был первоклассный рисовальщик (Виктор Михайлович впоследствии говорил: «Ах, если бы я мог рисовать так, как рисовал Николай!»). Младший брат Аркадий Михайлович тоже может быть с полным правом назван художником в своем роде. Он занимался столярным искусством (не ремеслом, а искусством, в самом точном значении этого слова). Мне лично приходилось видеть шкафы, сделанные им по рисунку брата Виктора. При взгляде на изумительную его работу, невольно приходит мысль, что высокохудожественные рисунки великого брата имели достойного мастера в их реальном осуществлении. Из остальных братьев Александр, в особенности, поражал всех многогранностью своих талантов.

Всем братьям Васнецовым с самого раннего детства прививались основы христианской жизни и морали, и все они были верными сынами Церкви и истинными христианами.

Для первоначального образования о. Михаил отдал своего второго

сына Виктора в Вятское Духовное училище, как это обычно практиковалось в духовной среде, а после училища Виктор Михайлович перешел в Вятскую Духовную семинарию. Но он ее не кончает. Там заложенная в его душе искра великого художественного таланта стала разгораться все больше и больше. И Виктор Михайлович решил «изменить» обычаям своих предков и избрал профессию художника. Он решил ехать в Петербург для получения художественного образования. Здесь следует заметить следующее: семья Васнецовых была довольно многочисленной, а доходы были не особенно большие. Если их хватало на содержание семьи при совместной жизни, то выделять на сторону о. Михаил много не мог, и вследствие этого Виктор Михайлович, уезжая в Петербург, знал точно и определенно, что рассчитывать на большую помощь отца ему нельзя, а придется самому добывать средства к жизни, и при этом, возможно, придется встретиться с лишениями.

Мне хочется привести слышанный мной лично рассказ Аполлинария Михайловича о своем брате: «Когда Виктор, — говорил он, решил ехать в Петербург, то он начал готовить себя к петербургской жизни, и для этого решил закалить себя... не ужинать, ограничивая себя одним обедом. Сначала было трудновато, и когда, бывало, вечером все братья сядут за стол ужинать, то ему под всякими предложениями приходилось уклоняться от этого, но потом привык к этому «режиму». В дальнейшем он раскаивался в этом и говорил: «Мне, наоборот, надо бы было больше есть в это время».

Но как бы то ни было, в 1867 году Виктор Михайлович уезжает в неприветливую «Северную Пальмиру», как тогда называли Петербург. Местная вятская общественность заинтересовалась этим настойчивым семинаристом и устроила перед отъездом его в столицу лотерею, где были проданы его две картины «Жница» и «Молочница» за 60 руб. (Одну из них купил вятский губернатор Н. В. Компанейшиков, — другую католический епископ Красинский; теперь местонахождение их не известно). С этим первым своим художественным гонораром в кармане Виктор Михайлович очутился на холодных и нелюдимых петербургских улицах. Здесь он первый год обучается в школе Общества поощрения художеств и только в следующем году, благодаря своему таланту, поступает в Академию Художеств. Время было для молодого художника очень трудное. Как разночинец Виктор Михайлович был лишен права на материальную помощь со стороны Академии Художеств и в силу этого печального для него обстоятельства должен был сам изыскивать и добывать средства для своего существования.

Но присущие ему трудолюбие, настойчивость, а самое главное, его громадный художественный талант, помогли ему разрешить эту задачу. Он дает уроки рисования. Он — желательный сотрудник-художник в редакциях журналов. Его ценят в картографическом заведении Ильича. Его иллюстрации к книгам приобретают известность. С этой стороны все устроилось хорошо. Еще лучше шло у него дело в Академии. Прежде всего он попал под руководство известного и замечательного педагога П. П. Чистякова, затем его академические работы начинают все больше и больше выделяться по своему качеству. 30 октября того же 1868 г. он был награжден серебряной медалью второго достоинства. Затем появился целый ряд васнецовских рисунков, как например: «Сборщик-монах», «Тряпичник», «Дети», «Сборщик пожертвований» и т. д.

В 1869 г. им написаны картины: «Купец в передней пристава», «Дыра в сапоге», «Старушка с письмом», «Голова папы Иннокентия III», «Крестьянин-сборщик» (последнюю картину очень хвалил В. В. Стасов).

За свои рисунки В. М. получил бронзовую медаль на Лондонской Всемирной выставке. В 1869 г. он же получил в Академии две серебряные медали малые и одну большую. С этого времени имя Виктора Васнецова начинает становиться известным широкой публике. В 1870 г. Васнецов пишет: «Купца», «Дьячка» и «Крестьянина за столом» (находится в Третьяковской Галлерее). Тогда же он сделал замечательный эскиз на заданную тему «Княжеская иконописная мастерская».

Как видно из перечня его картин, Виктор Михайлович интересовался более всего народным бытом. В этом, может быть, сказывалось влияние Федотова. Но будущего Васнецова в них еще не видно; и только в 1870 г. он сделал первую попытку использовать сказочный сюжет, написав для № 43 Журнала «Иллюстрация» композицию «Жар-птица».

2 июля 1870 г. за эскиз «Пилат умывает руки» ему присуждается денежная награда. Перечислить все дальнейшие его произведения нет возможности, и поэтому переходим к 1875 г., когда он окончил Академию, и в следующем 1876 г. поехал во Францию, где им была написана первая большая картина «Уличные акробаты», которая теперь находится в русском музее в Ленинграде. Но Васнецову Франция пришлась не по душе. Он пробыл там около 1 года и 2-х месяцев, а затем вернулся в Москву. В 1876 г. он пишет знаменитую свою картину «С квартиры на квартиру», вызвавшую бурные похвалы такого критика, как В. В. Стасов. В 1878 г. появляется его «Карс взяли!» и «Военная телеграмма». На этих картинах, можно считать, первый период жизни художника закончился, на смену ему наступил второй период художественной деятельности мастера, когда он нашел себя и дал искусству произведения, покрывшие неувядаемой славой имя Виктора Васнецова.

Вот основные вехи светского творчества Васнецова:

1878 г. «Ковер-самолет» (к сожалению исчезнувший).

1880 г. «После побоища».

1881 г. «Битва русских со скифами».

1882 г. «Витязь на распутье».

1889 г. «Иван царевич на сером волке».

1897 г. «Иван Грозный».

1898 г. «Богатыри».

1899 г. «Гусляры» и «Снегурочка».

1910 г. «Баян».

Но не менее велик Васнецов и как религиозный художник. Начало его религиозного творчества следует отнести к 1880—1881 гг. У С. И. Мамонтова в Абрамцеве, была выстроена по проекту Васнецова церковь. В. М. принимал большое участие и во внутреннем ее оформлении. Для этой церкви он написал образа «Преподобный Сергей», «Богоматерь». Когда через несколько лет у Мамонтова умер его сын Андрей, то над его могилой была выстроена маленькая церковка — создание всецело Васнецова, за исключением коридорчика, сделанного Поленовым.

Этот образ «Преподобного Сергея» благодаря его «новому» творческому настроению, вылился в новую форму, не сухоиконописную, не условно церковную, а в глубоко правдивую и прочувствованную, одним словом, «васнецовскую». Этот дивный образ великого художника можно считать началом рождения Виктора Васнецова, как религиозного художника и творца росписи Владимирского собора в Киеве (1885 г.). В этот же промежуток времени им были созданы в 1881 г. рисунки к опере «Снегурочка» и его знаменитая «Аленушка».

В 1883 г., по предложению графа А. С. Уварова, В. М. написал для Исторического музея, для залы каменного века, фреску «Каменный век». Во время одной из моих бесед с Виктором Михайловичем он рассказал, как создавалась эта вещь: «Когда мне на заседании объявили тему моей работы, — говорил он, — и все условия, я согласился, так как почувствовал, что эта работа захватит меня. И когда я возвращался на извозчике домой после заседания, то план фрески был уже продуман в голове во время пути». В эту же ночь был сделан первый эскизный рисунок, а через месяц — окончательный рисунок — картон.

По поводу этой фрески художественный критик Дедлов писал: «Оказалось, что Васнецов — художник с поразительной фантазией. Блестящие, но холодные картины Семирадского меркнут по сравнению их с несколько тусклыми, дурно помещенными картинами Васнецова. То — декорация, это — жизнь. То — выдумка, это — правда. То — ремесленная вещь отличной отделки, это — вдохновенное произведение художника».

После этого Виктор Михайлович создал еще 2 свои вещи «Пимен» и «Три девицы под окном пряли поздно вечерком».

Наконец наступил 1885 г. В Киеве достраивался Владимирский собор. Стали подыскивать художников для стеной росписи собора. Павел Петрович Чистяков, бывший учитель Васнецова в Академии, дал Прахову прекраснейшую рекомендацию о своем ученике и посоветовал поручить ему роспись собора. Прахов так и сделал. И тот и другой не ошиблись в своих расчетах и надеждах, так как Виктор Васнецов вполне оправдал их в дальнейшем своими работами (см. статьи в Ж. М. П. «Виктор Васнецов, как религиозный художник» и «Страшный суд в произведениях мировой живописи»).

Перед началом работ Виктор Михайлович побывал в Венеции, Равенне и Риме, где познакомился с дивными образцами христианского искусства. Все работы по собору продолжались до 1895 г. (до 1891 г. он жил в Киеве постоянно, а с 1891—1895 г. наездами). В это же время, в 1889 г. Васнецов пишет «Ивана царевича на сером волке»¹. В 1891 г. он делает 3 рисунка к «Песне о купце Калашникове» и большую картину «Сирин и Альконост — песни радости и печали».

В 1895 г. дает замечательную акварель «Гамаюн — птица вещая» (моя собственность!), которую В. В. Стасов назвал «Жемчужиной васнецовского творчества такого рода».

В этом же году заканчивается картина «Царь Иван Васильевич Грозный», где так поражал всех внешний облик Грозного. Когда Ф. И. Шаляпин решил исполнить роль Грозного в опере Римского-Корсакова «Псковитянка», то за образец грима взял васнецовского Грозного, а Виктор Михайлович был так любезен, что написал для Федора Ивановича повторение головы Грозного.

В 1897 г., наконец, заканчивается «гвоздь» васнецовского творчества «Великая застава богатырская» или как иначе ее называют «Богатыри». Картина имела небывалый успех.

После этого художник снова погружается в церковную живопись. Он делает ряд композиций для храма «Воскресения на крови» в Ленинграде, некоторые из них исполнены мозаичным способом.

Пишет изумительную композицию «Богоматерь» для храма в Дарм-

¹ Однажды, разговаривая с В. М., мы коснулись критики его картины. Я ему рассказал о мнении одного «критика» утверждавшего, что васнецовский волк какой-то неестественный. Таких волков в лесу нет!

— Совершенно правильно, — ответил В. М., — что таких волков в лесу нет. Мой же волк особенный — он волшебный».

штадте. Затем для церкви в с. Гусь-Хрустальный в имени Нечаева-Мальцева пишет иконостас и большие композиции «О Тебе радуется» и «Страшный суд».

Вот мнение о «Страшном суде» известного писателя и критика П. П. Гнедича: «Впечатление ошеломляющее. Это не композиция Васнецова, это—сумма болезненно-страстных религиозных фантазий христианских художников всех веков и народов. Тут и великие итальянцы, и упадочники, и Византия, а, главное, наши старые московского письма иконы. Все сведено в гармонию требований нашей церковной живописи. Композиция строго держится канона... В ней есть стихия. Стихийная борьба добра и зла, любви и ненависти, созидания и разрушения, вековечная, излюбленная тема, пока жив человек на земле. Борьба дьявольского змия, сидящего в каждом человеке, с чистой просветленной любовью — самая ужасающая трагедия человечества...

«Страшный суд» — ряд символов, порой мощных, порой слабых, но в общем неотразимых. Это страшная оратория вне времени и пространства. Но это одно из тех немногих истинно художественных творений, которое стоит увидеть раз, чтобы запомнить его навсегда.

Затем идут композиции «Сошествие во ад» и «Распятие».

В это время Академия предлагает Васнецову быть профессором руководителем мастерской религиозной живописи при Академии. Он согласился принять это предложение при некоторых условиях, одно из которых заключалось в том, чтобы эта мастерская была в Москве. 24 января 1905 г. Академия отклонила эти условия. 15 сентября 1905 г. в залах Академии была открыта выставка картин Васнецова. И, наконец, в 1910 г. Виктор Михайлович удивляет всех своей картиной «Баян» и затем «Песнь о Сальгаре». Это были последние большие полотна, выставленные при его жизни. Затем он задумывает большой цикл картин на сказочные темы, а именно:

1. Бой Ивана Царевича со змием (была на выставке в Америке).
2. Спящее царство.
3. Баба-яга.
4. Царевна-лягушка.
5. Кашей бессмертный.
6. Царевна Несмеяна.
7. Бой Добрыни со змием.
8. Сивка-бурка (не окончена).

Все эти картины находятся в его мастерской в Москве и являются собственностью его семьи. За писанием последней картины его и постигла смерть 23 июля 1926 г.

Кроме того, Васнецовым было сделано большое количество портретов высокого качества, а некоторые из них (например, портрет его сына Михаила) сделали бы честь любой галлерее Европы.

Вот какова была жизнь этого великого человека. В его лице мы лишились замечательного художника, истинного патриота и прекрасного человека.

Похоронен Виктор Михайлович был первоначально на Лазаревском кладбище, затем, когда оно было закрыто, прах его был перенесен на иновещерское кладбище на Введенских горах, где, кроме него, похоронены также жена его Александра Владимировна и брат-художник Аполлинарий Михайлович.

С. АЛФЕЕВ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В ЯПОНИИ

В далекой Японии, в столице ее, г. Токио, и в провинции, имеются русские православные церкви, насчитывающие среди чад своих много верующих русских и много принявших св. крещение японцев.

Апостолом Японии, насадителем в ней христианской православной веры, был архиепископ Николай (Касаткин). После кончины его, последовавшей в 1913 г., православные церкви Японии возглавлялись почти 30 лет епископом Сергием (Тихомировым), впоследствии Митрополитом Сергием Японским, скончавшимся в 1945 году.

На днях Редакция «Журнала Московской Патриархии» получила из Токио от одного из богомольцев Токийской православной церкви, гр. Беляева А. С., статьи с описанием празднования Св. Пасхи и Дня Победы над Германией в Токийском Кафедральном соборе.

Давно уже отзвучал в нашей стране колокольный звон, сопровождавший упомянутые выше торжества. Тем не менее Редакция считает возможным поделиться с читателями журнала содержанием статей гр. Беляева, дающих представление о том, как жила русская Церковь в Японии до войны, в военное время, как она живет в настоящие дни.

«Пасхальная заутреня в Токийском Кафедральном соборе», — пишет гр. Беляев, — проходила в бытность Митрополита Сергия Японского начальником миссии в торжественной обстановке. Яркое освещенный огромный собор заполнялся японскими и русскими христианами, иностранцами, проживавшими в Токио, даже японцами, не просвещенными еще светом Христовой истины, которые приходили, чтобы получить из рук Владыки пасхальные красные яички. По окончании Литургии Владыка христосовался с богомольцами и наделял каждого красным яичком. По количеству розданных яиц и определялось число посетивших собор — Владыка Сергей заготавливал их всегда к Пасхе более 1000 штук и раздавал все без остатка».

Обстановка богослужения была торжественная: сонм японского духовенства в блестящих ризах, пение большого японского и русского хоров. Только звона не было; чтобы не беспокоить проживавших в районе церкви японцев нехристиан, ограничивались тремя ударами в большой колокол.

В 1941 г. Владыка Сергей был удален от управления миссией. Начались церковные нестроения среди японских христиан. Русские объединились вокруг молитвенного дома Митрополита Сергия, «охладели к собору». Район Суругада был объявлен запретной зоной. Почти всех русских перебросили в местечко Куруизава, где не было ни церкви, ни священника.

Подходила Пасха 1945 г. Вот что рассказывает об этом времени гр. Беляев: «6-го мая Пасха Христова, Пасха без службы церковной...

Как тяжело православному христианину проводить Праздников Праздник в будничной обстановке! По нашей усиленной просьбе японские власти разрешили нам собраться на молитву в частном доме, с непременным условием «не произносить никаких речей». Пропели мы в присутствии полицейского чиновника пасхальные песнопения, похристосовались и разошлись по своим домам». Гр. Беляев вспоминает 1945 год, как год тяжелых испытаний: «Сорвался неосторожное слово — донос, а дальше застенки со зверским истязанием души и тела». Но уже стали появляться слухи: «Германия разбита, советская армия в Берлине, — капитуляция». — «Господи, Боже мой!», — восклицает гр. Беляев, — какой радостью переполнялись наши сердца! Но мы не могли открыто выражать свой восторг. С опаской, с осторожностью приветствовали самых близких, самых надежных: «Воскресе Христос — и воскресла наша многострадальная, но непобедимая Родина». Затем события разворачивались с молниеносной быстротой. «8-е августа — объявление войны Японии со стороны Советов. Задержавшихся в Токио русских усиленно гонят в Курузава. 10 — внезапная смерть нашего любимого архипастыря Митрополита Сергия. Убогие похороны... 13-е — на ушко, по секрету, передают о мире, и вот 15 августа японский император объявил по радио мир. Этот день был для нас днем второй Пасхи. По заключении мира мы, русские, получили полную свободу».

Пасха 1946 г. «В половине 12-го раздался благовест большого соборного колокола (в эту Пасху мы уже не стеснялись, что звоном нарушим покой мирно почивающих соседей!)». Началась полуношница. Поет усиленный японский хор. Настоятельством председатель Японской Духовной Консistorии протоиерей о. Самуил Узава в сослужении двух священников.

Совершается крестный ход вокруг собора при мощном пении двух хоров, японского и русского, при трезвоне во все колокола.

Пасхальная служба прошла торжественно. Присутствовало много американцев военных, не говоря уже о русских и японцах. Протоиерей Узава посетил всех русских на дому со святым крестом. (Японское духовенство посещает свою паству с молитвой вплоть до Вознесения, в виду разбросанности православного населения).

День первой годовщины Победы СССР над Германией был отмечен общественным молением в Токийском соборе. В 6 час. вечера под благовест большого соборного колокола собрались русские люди на торжественную панихиду по убиенным воинам. Были и представители Советского Союза, штатские и военные в полной парадной форме в количестве 20 человек. Совершал панихиду протоиерей Узава, японец, на русском языке, пел русский хор. Председатель Русского общества в Токио, Ф. Д. Швец, перед началом панихиды призвал всех собравшихся вознести горячие молитвы за воинов, погибших на полях битв за Родину, и благодарение Богу за ниспосланную нам Победу, возвеличившую наше Отечество, призвал также всех помолиться о Святейшем Патриархе Алексии и о том, чтобы Господь укрепил силу русского оружия на веки веков.

После торжественной панихиды и благодарственного молебна было провозглашено многолетие нашим вождям и победоносному русскому воинству под радостный звон колоколов.

Так отмечает ныне праздничные дни Православная Церковь в Японии.

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

Цена 10 руб.

Price 50 cents.